

18+

*Международный
Союз
Русскоязычных
Писателей*

АВТОР ГОДА

2023

Ирина Арсентьева

**Автор года – 2023. Сборник
современной поэзии и прозы**

«Издательские решения»

Арсентьева И.

Автор года – 2023. Сборник современной поэзии и прозы /
И. Арсентьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608629-6

В сборнике собраны прозаические и поэтические произведения как известных, так и начинающих современных авторов, написанные в 2023 году и представленные на соискание Премии Международного союза русскоязычных писателей «Автор года — 2023». Читатели, несомненно, получают удовольствие от прочтения серьёзной и немного фантазийной прозы и атмосферной, философской поэзии.

ISBN 978-5-00-608629-6

© Арсентьева И.
© Издательские решения

Содержание

Премия	8
Михаил Войтович	9
Каждому – своё	10
Молитва	11
Пророчество	13
Закат в ноябре	14
Мы	15
Учителям	16
Ночь	17
Дом у океана	18
Зов рода	19
Карнавал	20
Фитиль	22
Время и жизнь	23
Не Вы	24
Спящий в нас Бог	25
Цветана Шишина	26
Полёт гордой птицы	27
Вероника Богданова	33
«Переживаем. Переживём...»	34
«Хочется лета. Не где-то вдали, а в душе...»	35
«Мне дождь опять напомнил об Исакии...»	36
Чистильщик	37
Морок	38
«Мир изменчив и многолик...»	39
И снова жить!	40
Недо...	41
Веснушки снегопада	42
Мы – русские	43
Пуповина	44
Осень пишет акварели	45
«Ты мой октябрь, мой листопад из мыслей...»	46
Прощай, октябрь...	47
Свеча	48
Ноябрь	49
На пепелище брошенной души	50
«Мы вышли в осень – и закрыли двери...»	51
Кошка-осень	52
Тюрьма	53
Иван-чай	54
Она	55
Встреча	56
Всезнающий	57
Атеистка	58
Светлана Нагибина	59
Георгиевская лента	60

Старуха	61
Рыбы цветастые	62
Иду на Вяз	63
Николе зимнему	64
Елена Игнатюк	65
Преемник	66
Зонт	68
Метаморфозы или действие цветочной пыльцы	69
Взгляд тигра	71
Возрождение	75
Мария Камушкова	77
Ходики	78
Письмо	79
Точка и зрение	80
Ностальгия	81
«Где-то там, нулевым километром непрожитой жизни...»	82
Париж	83
По Сальвадору Дали	85
Бабочки	86
Ирина Арсентьева	87
Пир во время чумы	88
Погаснут свечи...	89
Март	90
Ольга Бажина	91
Вновь прощается лето золотыми шарами...	92
Почему не спасся?	93
Ты – женщина	94
Какие мы разные!!!	95
Поэма о русской душе	96
Ирина Шевчук	100
На берегу Японского моря	101
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Автор года – 2023

Сборник современной поэзии и прозы

Авторы: Арсентьева Ирина, Камушкова Мария, Шевчук Ирина, Айрапетян Анна, Грабовская Алёна, Пересадченко Ольга, Яблоновская Ольга, Алексеев Борис, Смирнова Инесса, Морозова Татьяна, Руднева Ольга, Нагиев Юрмет, Явленская Наталья, Бормотов Юрий, Горецкая Татьяна, Игнатенко Иван, Светличная Марина, Медведев Алексей, Бажина Ольга, Хлопкова Лариса, Кострикин Савелий, Пипкова Татьяна, Лаптева Анастасия, Полещикова Елена, Юкина Юлия, Олейник Анна, Загоруля Татьяна, Ладная Влада, Лескова Анастасия, Войтович Михаил, Вахтомина Анастасия, Преснякова Наталья, Сондыкова Нина, Шишина Цветана, Никитина Валентина, Лу Ярина, Незамайков Григорий, Маклашевич Светлана, Нагибина Светлана, Игнатюк Елена, Курило Светлана, Ащеулова Антонина, Богданова Вероника, Олизар Ольга

Дизайнер обложки Ксения Алексеева

- © Ирина Арсентьева, 2023
- © Мария Камушкова, 2023
- © Ирина Шевчук, 2023
- © Анна Айрапетян, 2023
- © Алёна Грабовская, 2023
- © Ольга Пересадченко, 2023
- © Ольга Яблоновская, 2023
- © Борис Алексеев, 2023
- © Инесса Смирнова, 2023
- © Татьяна Морозова, 2023
- © Ольга Руднева, 2023
- © Юрмет Нагиев, 2023
- © Наталья Явленская, 2023
- © Юрий Бормотов, 2023
- © Татьяна Горецкая, 2023
- © Иван Игнатенко, 2023
- © Марина Светличная, 2023
- © Алексей Медведев, 2023
- © Ольга Бажина, 2023
- © Лариса Хлопкова, 2023
- © Савелий Кострикин, 2023
- © Татьяна Пипкова, 2023
- © Анастасия Лаптева, 2023
- © Елена Полещикова, 2023
- © Юлия Юкина, 2023
- © Анна Олейник, 2023
- © Татьяна Загоруля, 2023
- © Влада Ладная, 2023
- © Анастасия Лескова, 2023
- © Михаил Войтович, 2023
- © Анастасия Вахтомина, 2023
- © Наталья Преснякова, 2023

- © Нина Сондыкова, 2023
- © Цветана Шишина, 2023
- © Валентина Никитина, 2023
- © Ярина Лу, 2023
- © Григорий Незамайков, 2023
- © Светлана Маклашевич, 2023
- © Светлана Нагибина, 2023
- © Елена Игнатюк, 2023
- © Светлана Курило, 2023
- © Антонина Ащеулова, 2023
- © Вероника Богданова, 2023
- © Ольга Олизар, 2023
- © Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-8629-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Премия
Международного Союза русскоязычных писателей
«Автор года—2023»**

**Номинация «Прозаик года» —
Ирина Шевчук**

**Номинация «Поэт года» —
Вероника Богданова**

**Номинация «Открытие года» —
Ольга Олизар
Григорий Незамайков**

Подноминация «За художественное мастерство» —

**Инесса Смирнова
Юрий Бормотов
Марина Светличная
Влада Ладная
Елена Игнатюк
Алексей Медведев
Михаил Войтович
Наталья Преснякова
Мария Камушкова**

Михаил Войтович

Каждому – своё

**Мир – входящему,
Путь – идущему,
Хлеб – просящему,
Свет – дающему.**

**Глаз – смотрящему,
Слух – поющему,
Дом – пропащему,
Ум – ведущему.**

**Даль – летящему,
Сил – зовущему,
Дверь – стучащему,
Жизнь – живущему.**

Молитва

Простишь ли нас, Боже,
За ложь и притворство,
Бездарные годы,
Забитые поры,
Забывшие крылья,
За маски под кожей,
Беспечность и чёрствость,
За мёртвые воды,
За стены и шоры,
Тоску и бессилье?

Простишь за сомненья,
Враждебность и подлость,
Дорогу без веры,
Решётки и клетки,
За чёрные думы,
За самомнение,
Ничтожность и гордость,
Лукавство без меры,
За плётки и метки,
За пафос наш шумный?

Куда же нам деться
От горя и страха,
От лжи вездесущей,
Печали всеядной,
От лени и злобы,
Разбитого сердца,
От тлена и праха,
Соблазнов зовущих,
Завистливых взглядов,
Проклятия рода?

Позволь нам умыться
Твоими слезами,
Твоею любовью,
Пройти тихим утром
Росой предрассветной
И помолиться
Под небесами
С утраченной болью,
Улыбкою мудрой,
С надеждой заветной.

Так дай же нам, Отче,

**Мечту и прощенье,
Дай мирного неба,
Понятных желаний,
Свободу и счастье,
Спокойные ночи,
Дай веру в спасенье,
Душистого хлеба
И сил осознания,
Что всё в нашей власти.**

Пророчество

Тень от солнца сочится тлением,
Мир искрит оголёнными нервами,
Гневно сверху взирают ангелы,
Возвещая о странном знамении —
Лопнут с треском старые ампулы
И последние станут первыми.

Разольётся отрава стремительно,
Души будут ядом пропитаны,
Искажутся смыслы привычные,
От детей отвернутся родители,
Снова встанут в ружьё опричники,
Не считая потерь убитыми.

Оглянулись – а ветер носится
По уже опустевшим улицам,
В небе тайные знаки светятся,
Откровенье на волю просится,
И никто никуда не денется,
Когда волны моря расступятся.

Нам придётся пройти по прошлому,
Станцевать на углях повторения
И вернуть планету в отрочество —
К чистым водам, лугам нескошенным,
Чтобы знать, как исполнить пророчество
Обращённого в вечность мгновения.

Может быть, лишь тогда с нежной лёгкостью,
Хрупкий мир сберегая под звёздами,
Мы распутаем узел проклятия,
Остановимся перед пропастью,
Распахнём друг для друга объятия
Чтоб, детьми оставаясь, стать взрослыми.

Закат в ноябре

Медная дымка над островом,
Гаснущий свет ноября,
Скалы с вершинами острыми —
Сами себе якоря —

Высятся гордо над бухтами,
Держат в прицеле прибой,
Греются листьями жухлыми
Тусклой осенней порой.

Солнце монетой расплывчатой
Падает в прорезь меж гор,
Море старухой забывчивой
Ищет свой вольный простор.

Берег в изломанных линиях
Серыми мхами покрыт,
Прячутся камни под инеем,
Воздух прозрачный дрожит.

Странное чувство – безвременье —
Замерший сумрачный миг,
Мир, межсезоньем беременный, —
Сдавленный запертый крик.

Скоро прорвётся он стужами,
Выпадет снегом хмельным,
Белым платком отутюженным
Землю застелет как дым.

Знаю, что зимней бессонницей,
В плотной завьюженной мгле
Радостью нежной мне вспомнится
Этот закат в ноябре.

Мы

Были незыблемы,
Стали отравлены,
Ширью ушиблены,
Далью задавлены
Кто же мы, Господи?
Странные, грешные —
Тени над пропастью,
Сны безутешные.
Миг пробуждения
Длится столетия,
Мрак наваждения
Ставит отметины
В душах измученных,
В сердце расколотом —
Небо за тучами
Трачено золотом,
Рай свой утерянный
Носим за пазухой,
Путь скорбный меряем
Льдами и засухой.
Гул несмолкающий —
Брань да проклятия,
Стон умирающих
В цепких объятиях.
Наши желания —
Рябь на поверхности,
Страх ожидания
Тьмы неизвестности.
Что нам останется?
Сгинуть в изгнании,
С миром раскланяться
Птицей израненной,
Боль отторжения
Выйдет потерями
В вечном движении
Тёмной материи...
Время опомниться,
Крыльям – расправиться,
Вновь запрячь конницу,
Душами сплавиться.
Ширь нам – спасение,
Даль нам – укрытие,
Чудо прозрения
Жить по наитию.

Учителям

Не напоить живых из мёртвого истока —
Увлечь способен только увлечённый,
Зажечь – искрою сам воспламенённый
Того огня, что испокон веков
Бушует в душах волей любящего Бога,
Освобождая от бессмысленных оков.

Вы – жрицы и жрецы, проводники
Идей, предвосхитивших это время,
Садовники для чахнувших растений,
Посланцы недоступных тайных мест;
Шаги ваши бестрепетно легки,
Когда несёте свой тяжёлый крест.

Откуда столько в вас терпения и света,
Где вы берёте силы для побед,
Чтобы извлечь из тьмы волшебный этот свет,
В пустыню превращая край родной?
Здесь нет простого очевидного ответа,
Как и на все загадки под луной.

Вы нас учили сомневаться, доходить до сути,
Читать меж строк, смотреть изнанку дна;
Когда в густом тумане правда не видна —
Найти её живительный исток.
Но так порой неблагодарны люди
За этот щедрый удивительный урок.

Ночь

Прости и прощай,
Нам тесно среди этих сырых камней,
Сочащихся кровью незаживающих ран —
Прошлого не вернуть,
Лишь остывающий чай
Делает тени темней и длинней;
Они забиваются в дальний чулан,
Пытаясь уснуть.

Ты их не буди —
Они нам ещё расскажут о светлых днях
Много позже, когда забрезжит рассвет,
А пока ночь правит бал
В промежутках пути,
Где туман оседает на голых пнях
Так бездарно потраченных лет —
Час настал.

Значит, время пришло
Навсегда расстаться с чувством вины,
Узнать, какие тайны скрывает ночь —
Молчи. Ей не нужны слова.
Свет, по сути, – ничто,
Это всего лишь грань бесконечной тьмы,
Зовущей отринуть всё и умчаться прочь —
За границы сна.

Это место – нигде,
Оно в неисхоженных тропах души,
В недосказанных мыслях Творца,
В каждом из недосмотренных снов;
Ты идёшь к пустоте,
Пытаясь всё земное в себе изжить.
И если хочешь пройти этот путь до конца,
Просто иди на зов.

Дом у океана

Мой дом
Из поседевших брёвен и камней
Устало смотрит окнами в закат,
Что в нём?
На стенах – отпечатки хмурых дней,
Узор из грубо скроенных заплат.

Там нет
Уютных кресел и цветных ковров,
Цветов в горшках и занавесок ярких,
Но свет
Сочится из темнеющих углов
И тихо угасает на свечном огарке.

Вокруг
Спокойно дышит древний океан,
Несёт сквозь время антрацитовые волны —
Как друг,
Сносящий боль от незаживших ран
В надежде тщетной мир постичь огромный.

В нём ты
Видением бесплотным ускользаешь каждый миг,
Ветрами стонешь, шелестишь травой...
Печать воды
На всём, что наша память общая хранит,
Чья чаша до краёв наполнена тобой.

Зов рода

**За нашими спинами – рать несметная,
Духи рода, славой покрытые,
Нам ли ждать, когда солнце скроется,
Чёрной станет роса рассветная —
Что же, кроткие, ходим околицей,
Прячась за стенами и молитвами,**

**Где же гордость наша хвалёная,
Где же доблесть, в веках воспетая?
Шепчут предки – вам не в чем каяться:
Обнажите клинки калёные,
Не к лицу вам стыдливо кланяться
Терпеливыми, безответными.**

**Может, хватит внимать угодливо
Наши кладбища оскверняющим
Летописцам лживой истории,
Чтобы знать совершенно отчётливо —
Не придётся виниться в безволии
На последнем своём пристанище.**

**Лучше вспомним подвиги ратные,
Возвратим себе честь и достоинство —
Время встать во весь рост недюжинный
С колокольнями вровень закатными
И равняться страстно, безудержно
На святое небесное воинство.**

Карнавал

**Пляски смерти. Блеск и нищета порыва,
Яркое безумство карнавала
Дым костров – иллюзия привала,
Танцы с бубнами, отчаянные песни
На краю скалистого обрыва.**

**Боль в глазах, поминки по ушедшим —
В каждом бьётся безутешной птицей
Вечная несокрушимая частица
Той божественной любви и искры,
Что присущи очевидно сумасшедшим.**

**Ветры времени ускорились внезапно,
Но морщины – лишь узоры на картине...
Жар мучительных желаний не остынет,
Если кровь горячая – толчками в жилах,
И уже нет шанса для пути обратно.**

**Так танцуйте, пока есть пространство для манёвра,
Пока воздуха хватает для простого вдоха.
Важен только этот миг, что нам эпоха?
С её лживо-беспощадной паутиной,
Где свобода воли в пыль растёрта.**

**Карнавал кружит. Безудержный, блестящий,
Вихрь самых откровенных красок.
Выбирай любую из понравившихся масок —
Прирастёт навеки вместе с кожей,
И забудешь, кто ты настоящий.**

**Он заменит с лёгкостью высокое постыдным,
Превратит господ в холуев беспородных.
И наоборот. В метаниях бесплодных
Обернётся серый мир лоскутным одеялом,
Станет явным тайное и спрятанное – видимым.**

**Но до дна другого человека не добратся.
Там секреты за семью замками,
Бег галактик над сожжёнными мостами
Только на поверхности – веселья пена,
Жажда лицемерить и кривляться.**

**Всполохи огня в движениях непристойных.
Завтра нет, тогда к чему притворство?
Пусть покой будет наградой за упорство**

**Тем, кому хватило развороченного сердца
Умереть красиво и достойно.**

Фитиль

**Вы ещё в тепле и при свете —
Цветы на окне, шоколад и ваниль,
Занавески тихо качает ветер,
Но время уже запалило фитиль.**

**За окном уже собрано войско —
Хаос и кровожадная тьма,
Лезут под одеяло по-свойски,
Сводят нас на рассвете с ума.**

**Тлеет шнур и не будет пощады
От бесчисленных сумрачных бед,
Ходуном ходит подпол дощатый,
Остывает на плитке обед.**

**Бьются камни о камни свирепо,
Делят что-то упрямые лбы —
Никому не нужны здесь ответы
Под бесстрастной десницей судьбы.**

**Грозен лик бесноватых пророков,
Страшен гром обличающих слов,
Душно нам от грехов и пороков,
Собирающих скорбный улов.**

**Но стоит ещё град обречённых,
Где не ведают завтрашних бурь,
Бродят парами стайки влюблённых,
И сверкает на солнце глазурь.**

**Так успейте, покуда вы живы,
Ощутить радость этих минут,
Пройти мимо ораторов лживых,
Сбросить ржавый тяжёлый хомут.**

**Шнур горящий – не факт и не догма,
Каждый сможет его потушить —
Кто способен другим открыть окна
Своей солнечной лёгкой души.**

Время и жизнь

**Стоят часы, но непреклонно время,
Обманчивый свой водит хоровод —
Боль навсегда утраченных мгновений
Осядет серым пеплом сожалений
На мёртвом дне солёно-горьких вод.**

**Пока ты юн, любая дверь отрада,
Хоть это хрупкая иллюзия ума —
За нищету и злато – собственная плата,
И наслаждение – не всегда за труд награда;
Суть всех вещей скрывает пелена...**

**Одна секунда вечность может длиться,
А вечность – пролететь за краткий миг,
Но в каждой перевёрнутой странице
Живёт несокрушимая частица,
Которую в своих скрижалях Бог хранит.**

**Куда придёшь, какой здесь след оставишь,
Всем по большому счёту всё равно.
Мир удивишь, а может, позабавишь
Причудливой игрой запретных клавиш
В броске отчаянном костяшек домино.**

**Но иногда не в силах поступить иначе,
Предрешена бывает колея,
Жизнь распознать свою – великая удача,
Взлетая, падая, смеясь и плача,
Соединяя сердцем рваные края.**

**Заря займётся, даже если свет погаснет
В последнем танце на границе сна,
Любая жертва будет не напрасной,
Путь – поучительным, а жизнь – прекрасной:
Когда ты честен с ней, то и она с тобой честна.**

**Пусть время не прощает суеты и лени,
Необратим его неумолимый ход;
Когда безжалостно стучится осень в сени,
В неотвратимости исхода нет сомнений,
Но невзирая ни на что, душа – поёт!**

Не Вы

Это ведь были не Вы
На берегу Невы,
Лёд уже стаял
В предчувствии мая —
Лучшей весенней поры.

Я тогда встретил не Вас.
И не было этих глаз
Цвета индиго
В сверкающих бликах,
Сияющих как алмаз.

Я ведь не Вам говорил,
Что до Вас не любил,
Плыл одиноко
В течении рока,
Бога о счастье молил.

Я не о Вас мечтал
Среди голых утёсов и скал.
Ночь ещё длилась,
Время дробилось
На сотни разбитых зеркал.

Вы же не пели мне
При бледно-жёлтой луне.
Звёзды молчали
В тоске и печали —
Всё это было во сне.

Спящий в нас Бог

Вечность как час
В перспективе холста,
В каждом из нас
Дремлют гены Христа.
Мир многолик,
Но хрупка его ткань —
Каждый велик
Как одна его грань.
Время сотрёт
Все различия дней,
Пламень и лёд
Выжмут слёзы камней,
Но до тех пор,
Пока вертится шар,
Шаткость опор
Компенсирует жар
Нашей пытливой
Бессмертной души,
Смешанный с ветром
Небесных вершин.
Не разомкнуть
Никогда этот круг.
Призрачный путь
Приглашает в игру,
Где между строк
В каждой новой главе
Спящий в нас Бог
Что-то будит во мне.

Цветана Шишина

Полёт гордой птицы

Главы из исторической повести

Всадник летел по пустыне на вороном арабском скакуне. Ветер свистел в ушах, за спиной, как крылья большой птицы, развевались полы одежды. Ему казалось, что там, за удаляющимся горизонтом, перед ним распахнется небо. Он взлетит и будет парить смелой, гордой птицей. Иона всё скакал в погоне за горизонтом, прижавшись к холке своего любимого коня. Слившись воедино, они неслись навстречу мечте о полёте.

Впереди показались палатки бедуинов. Между раскинутыми шатрами стояли привязанные к вбитым в землю колышкам верблюды. Они невозмутимо жевали свою жвачку большими жёлтыми зубами и глядели на гостя печальным взглядом из-под опущенных, торчащих ресниц. Спины их покрывали полосатые домотканые попоны. Кое-где у привязи подрагивали чуткими ушами неоседланные кони. В загонах под ткаными навесами из чёрной шерсти блеяли козы и овцы.

Заслышав стук копыт, из палатки вышел хозяин – дочерна загорелый молодой бедуин Салем. Поверх длинной белой бедуинской рубахи на нём был полосатый халат, на голове куфия – белый мужской платок, схваченный чёрным обручем.

– Иона, дорогой, – Салем протянул обе руки для традиционного приветствия. – Как я рад, что ты почтил нас своим присутствием. Ты принёс свет в наш дом, – сказал он подобающую гостеприимному хозяину фразу. Салем обнял Иону и повёл его в мужскую часть палатки. – Друг мой, добрый попутный ветер занёс тебя к нам на радость.

Как по мановению волшебной палочки на низеньком столике посреди большого довольно пыльного ковра появились крошечные чашечки и финджан с дымящимся кофе. Мужчины опустили на ковёр перед столиком. Женщина в длинном чёрном платье и такой же чёрной накидке на голове, подав поднос, мгновенно исчезла.

Иона Расин не впервые приезжал в стойбище бедуинов этого клана. На завтра намечалась свадьба Фатмы – младшей сестры Салема, и Иону пригласили быть почётным гостем. При каждом появлении молодого красавца-еврея в стойбище Фатма следила за Ионой влюблённым, зовущим взглядом. Она старалась попасть ему на глаза. Фатма, как полагалось молодой бедуинской девушке, носила голубое платье, расшитое по подолу розочками, и не прятала лица. Большие глаза сверкали агатом из-под тонких чёрных бровей или метали молнии, стоило ей рассердиться. Сегодня она впервые не вышла навстречу гостю.

Иона рассчитывал провести ночь в гостеприимной палатке и в знак того, что никуда не спешит, оставил у входа свою обувь. По заведённому у бедуинов обычаю, гостя прежде всего угощали крепким смолянистым кофе, потом чаем из маленьких стеклянных стаканчиков, и только после этого появлялся поднос с лепёшками и большими кусками жареного мяса. Хозяин неспешно угощал гостя и занимал его беседой. Вопросов не задавал – не принято. Зато принялся расхваливать его коня:

– Какой конь у тебя, друг Иона! Красавец, мечта любого наездника. Добрый конь дарован Аллахом как знак благоволения. Ты хороший человек, Иона, потому Аллах послал тебе такого красивого коня.

Конь у Ионы и впрямь красавец. Вороной жеребец чистокровной арабской породы по имени Хец шахор (в переводе с иврита – чёрная стрела). У него аккуратная, словно точёная голова с небольшими подвижными ушами. Тонкие ноздри подрагивают, а тёмные губы будто целуют хозяина, когда тот подносит ему лакомство. Дугой изгибается длинная шея, блестит шелковистым ворсом. Грива струится, как косы длинноволосой смуглянки.

– Какой конь! – продолжает восхищаться Салем. – Хорош! А взгляд! – Он качает головой и прищуривает губами. – Глаза как у восточной красавицы. Ноги тонкие, лёгкие, такой конь мог бы танцевать на груди возлюбленной, не повредив её.

Он по бедуинской традиции ещё долго расхваливает коня, воздаёт уважение хозяину, усыпляя его бдительность лстивыми речами. И, внезапно меняя тон, холодно прищурив глаз, говорит:

– Продай! Бедуину конь нужнее.

– Оставь, Салем, – незлобиво ответил гость, – не первый раз говорим об этом. Конь мой – друг мой, а друзей не продают. Ты согласен?

– Согласен, – с сожалением вздыхает Салем, утвердительно качая головой. – Укратут его у тебя, – снова безрезультатно хозяин пытается уговорить гостя.

Этот августовский день 1925 года был длинным и трудным. Иона очень устал. Он крепко спал на расстеленных одеялах из верблюжьей шерсти. Над чёрными бедуинскими палатками ночь разбросала свой бархатный сине-звёздный шатёр.

Шёл 1913 год. Иона – самый младший из семи детей Шмуэля Расина – сидел у стола и сосредоточенно прикреплял ко дну большой белой коробки для пряников крупную бежевую бабочку. Крылья бабочки в чёрных крапинках, словно осыпанный маком украинский бублик, отливали на солнце золотом. Но тут внимание мальчика отвлекла кружившая над Днепром чайка. Белая гордая птица свободно парила в голубом небе. Он долго следил за её полётом, не отрывая взгляда. «Хорошо бы научиться летать, чтобы взмыть в небо и парить, как эта чайка. Я должен уметь летать, – думал мальчик, – ведь я Иона, что значит голубь. Как тот голубь, что принёс добрую весть Нюю во времена потопа».

Полюбовавшись птицей, он отложил коробку, достал альбом и стал аккуратно зарисовывать в него свою новую бабочку. Бабочка получилась как живая, а тёмные пятнышки на крыльях походили на глаза восточной красавицы. В альбоме уже были рисунки всех пойманных им бабочек и мотыльков, которых он хранил приколотыми ко дну коробок. Поощряя занятия сына, отец приносил ему со своей пряничной фабрики не пригодные к использованию коробки.

Расин считался одним из самых богатых в Херсоне евреев. Процветали его кондитерская фабрика и несколько пряничных заведений. У Шмуэля Расина покупали сласти все богатые люди города. Держал он и гусиную ферму. Перо, гусиное мясо и печёнка приносили хороший доход. В семье Шмуэля и Ципоры Расин росли четыре дочери и три сына. Особые надежды Шмуэль возлагал на младшего сына. Он был умён не по годам, учёба давалась ему легко. К шести годам он уже хорошо владел русским и бойко читал матери новости в местной газете. Доволен им был и ребе, учивший его языку Торы. В училище учителя в один голос твердили, что мальчик – просто гений. К тому же он увлекался рисованием и очень любил наблюдать за живой природой.

Раввин Херсона первым рассказал Расину о новой, открытой в Эрец Исраэль единственной во всей Европе школе, где лучшие учителя преподают все предметы на иврите. Шмуэль знал, что в России мальчику из черты оседлости, пусть даже одарённому, пробиться будет трудно. А он задумал сделать из сына учёного. Учёный в семье еврейского торговца сладостями – об этом можно было только мечтать!

Воспитанием детей занималась Ципора, но решающее слово, как принято в религиозных семьях, всегда было за строгим и педантичным мужем.

Неслышной походкой покорной рабыни во двор вышла Ципора. Кружевная косынка закрывала её волосы. В домашнем тёмном платье и в фартуке из тонкого муслина она напоминала горничную. В руках хозяйка держала большой медный поднос.

Мать остановилась за спиной сына, полюбовалась его работой. Её зелёные глаза в пушистых ресницах с любовью смотрели на мальчика, занятого рисованием. Она нежно погладила

ребёнка по голове длинными тонкими пальцами, огрубевшими от нескончаемой домашней работы.

– Умница, сыночек, очень красиво, – сказала мать мягким грудным голосом. – Голубь мой! – Она наклонилась и поцеловала сына в макушку.

– Посмотри, отец, как рисует наш мальчик! Просто вундеркинд!

Шмуэль неспешно стащил с носа очки, аккуратно положил в фибровый футляр, огладил широкой ладонью бороду и с расстановкой сказал:

– Все учителя говорят мне об этом. Я рад, что у меня растёт такой сын.

Иона зарделся от удовольствия: не часто отец хвалил его.

– Я решил, – продолжил Шмуэль, слегка возвысив голос, – отвезти тебя в Палестину. Помнишь, я показывал тебе открытки с видами Яффы? Мы поплывём туда на корабле. Ты увидишь Эрец Израэль.

– Правда, папа? – Глаза Ионы загорелись восторгом. – Я увижу Иерусалим?

– Думаю, да. Ты будешь учиться в гимназии Герцлия. Ты же хочешь научиться чему-то новому. Уже всё готово. Я договорился, тебя там примут.

Ципора непроизвольно прижала к груди руки, выронив поднос. Мать и сын удивлённо замолчали.

– Когда? – только и смогла выдать из себя Ципора, обняла сына и притянула к себе его голову, будто желая защитить.

– На будущей неделе. Во вторник уходит пароход из Одессы. Собирай сына в дорогу! – сказал Шмуэль тоном, не терпящим возражений.

– Ой, вей! – всплеснула руками жена. – Он же ещё дитя!

Теперь и Иона понял, что его отправляют учиться в далёкую Землю Обетованную одного. Без мамы, без братьев и сестёр. Слезы брызнули из глаз. Он бросился к отцу, но Шмуэль уже поднялся из-за стола, что означало – разговор окончен.

В понедельник утром вся семья провожала отца и Иону в Одессу. Завтра им предстояло сесть на пароход, отплывающий на рассвете в Палестину.

Ципора с красными глазами и распухшим от слёз носом сидела на стуле, безвольно опустив на колени руки. За её спиной стояли старшие сёстры Ионы и утирали глаза платками. Старший брат держал Иону за руки и, глядя в его полные слёз глаза, без устали говорил слова утешения. Но мальчик не слышал слов, он не мог поверить, что сейчас из соседней комнаты выйдет отец, одетый в чёрную парадную тройку, возьмёт его за руку и уведёт из родного дома, где ему было так хорошо. Завтра утром он уже не увидит в окне песчаный плёс и широкий Днепр, где они с братьями купались в тёплой речной воде. Не услышит голоса матери, смеха сестёр. Его маленькое сердце готово было разорваться от невысказанной боли.

Когда в дверях показался отец, мальчик не выдержал. С криком «Мама, мамочка!» он бросился к ней, ухватился обеими руками за рукава её платья и запричитал, как плакальщица на похоронах:

– Ой, оставьте меня, не увозите! Не хочу в Палестину, не хочу! Мама, мама! Я буду самым хорошим и самым послушным сыном. А-а-а... – горько плакал Иона.

Но чемодан в дорогу был собран, у калитки ждал извозчик. Плачущего мальчика оторвали от матери, усадили в повозку и повезли, как в колеснице на эшафот...

Больше Иона Расин никогда не увидит своего родного дома.

Дорога в Одессу не оставила следа в памяти мальчика. Смутно помнил он и посадку на пароход туманным ранним утром. На другой день, устав от слёз, движимый детским любопытством Иона вышел на палубу за руку с отцом, который тоже впервые плыл на большом корабле.

Вокруг, сколько охватывал взгляд, блестела в утренних лучах солнца голубая гладь. Пароход шёл полным ходом, тихонько урча и подрагивая, как большой зверь. Позади него вздымался и пенился белый бурун. У мальчика захватывало дух от морского простора и огромности мира. Полной грудью вдыхал Иона свежий солоноватый воздух. По палубе прохаживались, нагуливая аппетит перед завтраком, нарядно одетые пассажиры. Многие раскланивались с отцом как старые знакомые. С любопытством ребёнка, впервые вырвавшегося из дома, он обследовал все доступные уголки корабля.

На пятый день пути на горизонте показался берег Палестины. Яффо с моря выглядел живописно, как на открытках, влекущих паломников на Святую Землю. В порту было шумно и грязно. Арабы-торговцы гортанными криками расхваливали свой товар, хватали пассажиров за руки, пытаясь что-нибудь продать. Во весь голос кричали продавцы льда и воды. У причала стояли судёнышки рыбаков. Пахло морем и рыбой, пряной пищей и кофе. Непривычные запахи волновали ребёнка, а толпа пугала. Он не отпускал руки отца.

О приезде богатого еврея из Херсона местные торговцы недвижимостью были наслышаны заранее. В порту Расина встречал маленький толстенький господин в клетчатых брюках и бархатном жилете. Он, как арабский торговец, пытался схватить Шмуэля за руку, чтобы привлечь его внимание.

– Мар Расин, господин Шмуэль, вы должны меня понять, – говорил он скороговоркой, – я желаю вам добра. – Купите в моей конторе «Шапиро и сын» маленький домик. Я же знаю, что вы привезли сына на учёбу. Пусть мальчик пока поживёт в доме с хорошими людьми, которые будут платить ему арендную плату...

– Он слишком мал для таких дел, – прервал агента Шмуэль. – И потом я в состоянии сам оплатить аренду жилья для своего сына.

Он отмахнулся от господина Шапиро как от назойливой мухи. Но его тут же перехватил другой господин – высокий, с загорелым восточного типа лицом, в красной турецкой феске. Он держал Шмуэля за локоть, пытаясь отвести в сторону. Говорил он медленно, с расстановкой:

– Я знаю, господин Расин, что вы содержите в Херсоне кондитерские заведения. Представьте себе, как было бы славно предложить публике свежие апельсины, привезённые со Святой Земли. У вас не будет отбоя от клиентов. С каждым пароходом вы будете получать партию свежих фруктов.

– Не люблю апельсины, у меня от них оскома, – сказал как отрезал Шмуэль.

– Вы меня не поняли, – настаивал агент, – вы могли бы купить апельсиновую плантацию. Уверю вас, вы не прогадаете. Экзотические фрукты всегда в цене.

– Не нужны мне ваши апельсины, оставьте меня в покое! – Шмуэль отвернулся от неудачливого продавца и, посадив сына на конную повозку, укатил в город. Он очень торопился уладить все дела с устройством сына. Пароход в Одессу возвращался через два дня.

Первым делом он направился в банк, чтобы оставить деньги на содержание ребёнка и оплатить учёбу. В гимназии она стоила не дёшево, и не каждый мог себе это позволить. Шмуэль Расин вложил в банк немалую сумму. Оставил деньги на карманные расходы.

Управляющий банком лично принял состоятельного клиента, заверил в полном своём уважении и предложил купить участок земли.

– Сейчас земля под застройку в маленьком Тель-Авиве стоит не дорого, – вкрадчиво говорил управляющий, постоянно пытаясь схватить Шмуэля за пуговицу на жилете. – Но через несколько лет, когда ваш сын закончит учёбу, земля в Тель-Авиве будет стоить в десять раз дороже. Поверьте моему опыту. Вложить деньги в Эрец Исраэль – богоугодное дело для правого иудея.

Шмуэль решительно оторвал руку управляющего от своего жилета:

– Я не барон Ротшильд, чтобы вкладывать деньги в эти пески. Песчаных дюн полно между Херсоном и Одессой. Как только мой сын выучится, я заберу его отсюда. Он будет учиться в Европе! – Расин удалился, демонстративно хлопнув дверью.

Район Неве-Цедек в новом городе Тель-Авив, что означает Холм Весны, заложенном энтузиастами на песках у Средиземного моря близ порта Яффо, был уютным и живописным. Маленькие домики под черепичными крышами, окружённые ухоженным садиком, ровными улицами спускались к морю. В лучах предзакатного солнца нарядно блестели стёкла домов, пахло морем и цветущими растениями. Покачиваясь от лёгкого вечернего бриза, приветливо махали широкими ладонями листьев пальмы. Вдали, на склоне холма, теснились домики с плоскими крышами арабского Яффо. Всё было ново и удивительно для Ионы.

В доме фотографа Липскера, где предстояло жить Ионе, гостей встретили радушно. В домике из трёх комнат были все возможные по тем временам удобства: водопровод, угольная печь, примус. Продукты хранились в хорошо проветриваемом ящике с двойными стенками. Гостей накормили вкусным ужином. Иону вымыли в ванной и отвели в комнату, где всё было приготовлено для него. Большой дорожный чемодан Ионы стоял у кровати на полу. Но всё это мальчик пока оценить не мог. Он уснул, как только голова коснулась подушки. Слишком много впечатлений для ребёнка одиннадцати лет в один день. О чём говорил отец с хозяевами дома, Иона не слышал. Он спал сном праведника до самого утра.

Ранняя птаха громким пением разбудила мальчика на рассвете. Первые лучи солнца окрасили розово-золотым стены белых домиков. В садике цвели красные крупные цветы, названия которых Иона не знал. На одном из них сидела большая белая бабочка. На её сложенных крылышках подрагивали солнечные блики. Между домами виднелось море. Светло-голубое оно почти сливалось с утренним небом, манило таинственностью. Над водой парила белая чайка. «Совсем как над Днепром возле нашего дома», – подумал мальчик. Он тяжело вздохнул и подгоняемый любопытством неслышно выскользнул на улицу. Всё было ново и интересно.

После завтрака отец повёз Иону в гимназию. Гимназия Герцлия была создана в 1905 году усилиями супругов Иегуды и Фани Матман-Коэн. После долгих споров её построили поперёк улицы Герцеля, что и дало ей название. Здание в стиле Иерусалимского Храма царя Соломона с двумя колоннами у входа по тем временам выглядело роскошным. Это было первое в мире учебное заведение, в котором преподавание велось на иврите. Гимназия стала настоящим культурным центром нового города Тель-Авива.

Оставив сына на попечение директора гимназии, вечером следующего дня Шмуэль Расин отправился в обратное плавание в Россию. Он обещал вернуться в будущем году и взять Иону домой на каникулы. Денег в банке он оставил в расчёте на год.

На пристани Яффо Иона стоял рядом с фотографом Липскером и, задрав голову, глядел на отца. С борта парохода Шмуэль махал сыну шляпой, смятой в правой руке. В лучах закатного солнца отливала медью его рыжая борода. Лицо отца было красным. Мальчику казалось, что от сдерживаемых слёз. Иона тоже крепился. Он дал себе слово никогда больше не плакать на людях. И твёрдо решил не просить у отца любви и снисхождения.

Якорная цепь со скрипом поползла во чрево корабля. Чайки с криком кружили над ним. Между кораблём и причалом медленно увеличивалась полоса глубокой морской воды. Она, как разверзшаяся пропасть, внезапно оборвала беззаботное детство Ионы. Шмуэль Расин в последний раз видел своего младшего сына.

Когда провожающие вернулись в город, тёмная южная ночь уже укутала звёздным покрывалом маленький Тель-Авив. В лунном свете тихо плескалось море.

В эту ночь мальчик не мог уснуть. Он смотрел сквозь окно в бездонное небо в надежде увидеть там Отца Небесного, надеялся услышать от него слова утешения. Но за окном была только темнота и, как начищенные оловянные пуговицы на мундире, безразлично блестели

в пустом небе звёзды. Тогда Иона дал себе ещё одно обещание. Он пока не решался погрешить против Всевышнего, не мог сформулировать свои претензии к нему, но решил, что никогда больше не будет молиться и просить Бога о помощи.

В минуты, когда подступала тоска, Иона подолгу глядел из окон гимназии на проходящие мимо поезда. Мечтал побывать в Иерусалиме, отправиться в путешествие, увидеть дальние города. В новом Тель-Авиве всё окружающее поддерживало Иону в его безбожии. Жители строящегося Тель-Авива – люди, составившие будущую славу страны, – писатели, художники и поэты – жили богемной жизнью. По вечерам по бульвару Ротшильда гуляли люди среднего достатка, а в песчаных дюнах у моря слышался смех молодых парочек. Много надежд возлагали евреи на новый город, выросший на холме Гиват Тиква – Холм Надежды. И сколько же их разбилось об этот холм!

Иногда по вечерам, когда спадала жара, Иона добирался до Яффо. Он с любопытством разглядывал бесконечные галантерейные лавки арабов, обувные и мануфактурные магазинчики евреев, товары торговцев-христиан. В Яффо была железнодорожная станция. Шумные толпы озабоченных людей спешили в порт. Конные дилижансы подвозили пассажиров к пароходам. Никем не замеченный среди сутолоки и гама мальчик вдыхал в порту особый запах моря, с тоской смотрел на причаливающие корабли. Не признаваясь себе, он ждал, что однажды на берег сойдёт отец и заберёт его домой, к маме. Прошёл год, но ни один пароход не привёз отца...

Через судьбу Ионы Расина, прибывшего в Палестину в 1913 году одиннадцатилетним ребёнком, прошла вся история становления государства Израиль. Он был причастен к организации отрядов самообороны, из которых выросла армия страны. Погиб Иона Расин от рук арабов на дороге в Иерусалим за полгода до становления государства, для создания которого он сделал очень много.

Вероника Богданова

«Перезимуем. Переждём...»

**Перезимуем. Переждём.
Расправим плечи незаметно.
Весенним выплачем дождём
Любви печали безответной.**

**Стряхнём снежинок перхоть враз
С концертных фраков цвета мрака,
И чёткость музыкальных фраз
На белый шум пойдёт в атаку.**

**Да будет слышен каждый звук!
И мы, мелодии внимая,
Решимся на касанье рук —
Предтечу гроз в начале мая...**

«Хочется лета. Не где-то вдали, а в душе...»

**Хочется лета. Не где-то вдали, а в душе,
Там, где остра по-особому солнца нехватка.
Как эту зиму проклятую выгнать взашей,
Чтоб забрала она холод свой весь, без остатка?**

**Чтоб согревали под вечер не плед и не чай:
Эти тепла суррогаты, что ждут тебя дома?..
Хочется солнце в улыбке поймать невзначай,
Близость души ощутив, что пока незнакома...**

«Мне дождь опять напомнил об Исакии...»

**Мне дождь опять напомнил об Исакии,
О лестнице – под купол – по спирали,
И как дождевики блузку мне закапали...
Испачкали! А душу – отстирали...**

**Я наверху стояла, оглушённая
Симфонией распахнутого мира,
Как будто в гости к Богу приглашённая
В застеленную тучами квартиру.**

**Потом я вниз спускалась остороженько:
Боялась расплескать то, чем наполнил
Сосуд души опустошённой Боженька...
Шепну дождю: «Спасибо, что напомнил!»**

Чистильщик

**Я безжалостно и упорно
Отделяю от плевел зёрна:
Бесконечности урожая
Всем нутром своим возражая,**

**Продолжаю свой труд сизифов:
Чищу быль от коварных мифов,
Горечь правды – от грязи ложной,
Понимая, что невозможно**

**С этим справиться в одиночку,
Чтоб однажды поставить точку,
Просто выдохнуть, подытожить...
Но нельзя! Каждый день, что прожит,**

**Как бездонный мешок... И снова,
Свято веря в первооснову,
Отделяю от плевел зёрна:
Горстка белого – рядом с чёрным,**

**Рядом с чем-то невнятно-серым,
Что насыпано щедрой мерой...
О спасении умоляю!
Только, зубы сжав, отделяю.**

**Пусть от жизненной злой науки
Устаю, опуская руки,
Прошепчу: «Помоги мне, Боже!»
И продолжу... Ведь кто-то должен...**

Морок

**Морок. Туман. Бестелесная сущность.
Фото чужое на личной странице.
Ангел-хранитель, что с неба опущен?
Демон, что ночью навязчиво снится?**

**Голос скользит по душе, не касаясь
Самых глубин, где ответы таятся.
Буду ли после испытывать зависть
К той, кем была я с тобой?.. Не бояться**

**Ты научил подворотен безлюдных,
Тёмных подъездов, где прячутся тени,
Был экзотической специей в блюде,
Вещью случайной средь приобретений,**

**Ветра порывом, над сонною гладью
Жизни моей пролетевшим внезапно,
Мимо спеша...
Только будь ты неладен,
Если лишишь меня этого завтра!**

«Мир изменчив и многолик...»

**Мир изменчив и многолик...
На воде качается блик,
Невесомой тенью скользя...
Вот и мне бы так – да нельзя:**

**От рожденья данная суть
Человеку – не ускользнуть
От забот, что держат в плену
И упорно тянут ко дну.**

**Как смириться с этой бедой:
Я скользить хочу над водой
И, её касаясь едва,
Облака душой задевать!**

**Только эту душу мою,
Что парить мечтает в раю,
Так жестоко и невпопад
Загоняют, бедную, в ад**

**И смеются вслед: мол, она
Так некстати обнажена,
И грешна она, стало быть:
Слишком многих смеет любить,**

**Не считая, всё отдаёт,
Да ещё при этом поёт!
Нет бы плакать в горестный миг...
Мир изменчив и многолик...**

**Ощутить свободу спеша,
Вновь в него ныряет душа:
Вдруг удастся хоть на чуть-чуть
Лёгким бликом сверху скользнуть...**

И снова жить!

**Жить! Танцевать, смотреть на звёзды, плакать
И с многоликим миром в унисон
Звучать, души истерзанную мягкость
Баюкая, но опасаясь в сон**

**Отправить, – вдруг окажется он вечным
И, успокоив, умертвит внутри
Тот свет, что делал сердце человеческим
И боль в тебе, как музыку, творил?..**

**Без этой боли так легко смеяться,
Уверовав в беспечность бытия...
Фальшивы слёзы на лице паяца,
А сколько стоит искренность твоя?**

**Актёр ли, зритель этой вечной драмы,
Ты не предъявишь душу, как билет...
Не спится ей... Залижет наспех раны —
И снова жить, сквозь боль летя на свет!..**

Недо...

**От проигранной жизни мы сходим с ума,
От бездарных своих многочисленных «недо»:
Недосказанность фраз – студит губы зима,
Недокаменность льда, недотаянность снега**

**И недовоплощение себя самого,
Но того, кем задуман ты был изначально...
Не доплакать от горя – больнее всего...
Не допеть. Не доплыть. Не домыслить молчанье...**

Веснушки снегопада

**Серое небо в бесчисленных крапинах снежных —
Словно в веснушках лицо, но немного грустней.
Есть в снегопадах какая-то странная нежность:
Хочется слиться душой неприкаянной с ней.**

**Только вот как это сделать? Взлететь? Окунуться?
Пальцами тронуть весеннего ветра струну?
Или, как парус, навстречу ему распахнуться,
Сквозь снегопад по веснушкам заметив весну?..**

Мы – русские

**Кто мы? Зачем и кому пытаемся
Мы доказать нашей веры истинность?
Нашей души сохраняя таинство,
Рвёмся туда, где зовут: «Спасите нас!»**

**Зло вездесуще, и наше воинство
В битве с ним, словно доспехи, выковав
Мужества сталь и булат достоинства,
Приняло эту судьбу великую.**

**Болью чужой в нашем сердце колокол
Бьётся, и в нём наша боль ответная...
Пуля ударит в нас, штык, осколок ли —
Встанет за нами вся рать несметная**

**Трепетных душ, что ранимы вроде бы,
Об исцеленье устало молятся...
Встанет стеной! Ведь за нами – Родина,
Мама, любимая, Богородица,**

**Эти поля, что простором полнятся
И расширяют души пристанище...
Русские души о мире молятся
Даже на вечном своём ристалище.**

Пуповина

**Жизнь перерезает пуповину
Жёстко и безжалостно всегда.
Хочется держать, как прежде, спину
Прямо, невзирая на года,**

**Улыбаться, потому что бесит
Всех твоей улыбки торжество,
Знать, что счастье ничего не весит,
А несчастье тяжелей всего...**

**Но кого волнует, скажем прямо,
Лёгкость фраз, переживаний груз,
Коль они чужие? Знаешь, мама,
Я лишь только одного боюсь:**

**Что однажды будет ветер в спину,
Солнце в небе, лёгок путь к мечте...
А судьба обрежет пуповину
И блуждать оставит в темноте...**

Осень пишет акварели

**Сентябрь. Осень пишет акварели,
И краски, чуть размытые дождём,
Сперва пылали, после – присмирели
И никого кострами не согрели,**

**А мы с тобой решили – переждём.
И что же? Мы, конечно, переждали,
Пока поблекнет красок торжество,
Раздвинутся зиме навстречу дали,**

**А нам листвы фальшивые медали
Достанутся. И больше ничего...
Позволь, чего же мы с тобой хотели?
Поверили в иллюзию тепла?**

**Её рассеяв, листья облетели,
Лишь в памяти пылают акварели,
Что осень ненадолго создала...**

«Ты мой октябрь, мой листопад из мыслей...»

**Ты мой октябрь, мой листопад из мыслей,
Скользнёшь по сердцу лезвием дождя,
Что ниспадает из небесных высей,
Холодной болью душу бередя.**

**Откуда боль? Ведь души бестелесны,
Неуловимы, как дыханья пар?..
Жаль, на деревьях листьям стало тесно,
И в гнёздах не осталось птичьих пар.**

**Нет ничего, что мне могло б напомнить
В осенний день то летнее тепло,
Которым ты хотел мой мир наполнить,
Увы, оно сквозь пальцы утекло,**

**Не зацепившись паутиной нежной
За твой прощальный августовский мёд...
Ты – мой октябрь... Ты мыслей безутешных
Осенний дождь...
Кто любит – тот поймёт...**

Прощай, октябрь...

**А осень обессилела слегка
И поддалась опустошенью... Листья,
Что наряжали кроны в шубы лисьи,
Чтоб мир осенний золотом сверкал,**

**Сегодня покидают не спеша
Пропитанные влагой ветви-руки...
Деревья в предвкушении разлуки
Трепещут. И испуганно душа**

**Теряет веру в счастье, между строк
Слова любви прощальные читая...
Дописывает, в вечность улетаая,
Сонет осенний золотой листок,**

**Как он сверкнул, последний, сквозь туман
Обманным бликом солнечного света!..
Октябрь, прощай! Ты славным был поэтом,
Но суть твоя – забвенье и обман.**

Свеча

**Не гаси свечу – пускай догорает,
Истекая воском, словно слезами.
Мы не выдержали главный экзамен,
Оттого теперь любовь умирает.**

**Умирает, не успев опериться...
А гнездо уже, смотри! опустело,
И кричат теперь над ним оголтело
Ей чужие, чернокрылые птицы.**

**Жаль, не спрятаться – от них нет спасенья,
Налетели – заклюют, не иначе...
А свеча пускай над нею доплачет,
Пережив на пять минут воскресенье**

**И кровать закапав у изголовья...
Воск другая соскоблит. Будет злиться...
На траве – недвижны – чёрные птицы,
Отравившиеся мёртвой любовью...**

Ноябрь

Уже посеребрил ноябрь дороги,
Которые ведут уныло в зиму:
Она теперь близка. Пейзажи строги,
А мы так далеки и нелюбимы.

Последний месяц осени стирает
С поблекших лиц фальшивые улыбки...
Над горизонтом солнце догорает,
И свет его, обманчивый и зыбкий,

Напоминает нам маяк в тумане,
К которому стремилась наша лодка
Минувшим летом, веря: не обманет
Тот свет, что из надежд моряцких соткан...

Увы, как просчитались мы жестоко!
Обломки лодки той – любви осколки —
Остались там... А здесь так одиноко,
И осень угасает втихомолку...

На пепелище брошенной души

**Меня так неожиданно и больно
С размаху окунули в нелюбовь,
И выгорело сердце до краёв...
Теперь ещё бы в голову – контрольный,**

**Чтоб обнулить к началу всех начал,
Чтоб горестные мысли обесточить,
Опустошив безжалостные ночи...
А где же выстрел? – Он не прозвучал.**

**...На пепелище брошенной души
Некстати бродят выжившие мысли,
Как будто кто-то из бездонной выси
Пытается костёр разворошить,**

**Раздув из искры пламя... Но к чему
Любовь реанимировать, ответьте?
Отсутствие её больнее смерти,
Чернее погружения во тьму.**

**...На пепелище брошенной души
Раз побывав, вернуться не спеши...**

«Мы вышли в осень – и закрыли двери...»

**Мы вышли в осень – и закрыли двери
В оставшееся за порогом лето,
И тёмная вода бесстрастной Леты
Воспоминая летние уносит.**

**Вот стебельки травинки, что качались
Так по-июньски нежно и беспечно,
И плыл рассвет светло и бесконечно,
Стирая с лиц морщины и печали.**

**Вот лепестки цветов, что осыпались
Под пальцами легко, без лишних жалоб,
И время так стремительно бежало,
И мы так неохотно просыпались...**

**А вот ещё – осколки звёзд, что небо
Покинули средь августовской ночи,
Теперь в копилке чьих-то одиночеств
Угаснут, и сиять от них не требуй,**

**И не проси у солнца продолженья
Тех бесконечных дней в потоках света,
Которые уснут за дверью лета,
Что проиграло осени сражение...**

Кошка-осень

**...Я в цвет её невыносимо-рыжий
Была до исступленья влюблена.
Она являлась кошкою бесстыжей
В оправе обесцвеченной окна**

**И золотом отчаянно дразнила
На фоне неба в пятнах облаков,
Потом ушла, и сердце враз заныло
Средь мир сковавших ледяных оков...**

**Их не разбить, пока лютуют зимы,
Стирая со всего привычный цвет...
Но ищет взгляд по-прежнему незримый
Осенней кошки рыжий силуэт...**

Тюрьма

Не в ресурсе. Устала. Увязла в зиме,
Чей небесный покров обесточил земное,
Всё теряется в белом и мёрзнет со мною,
Снегом запертой в странной стерильной тюрьме,

Где ни стен, ни замков, ни решёток в окне,
Лишь серебряный свет – по глазам утомлённым...
Из небесного сделавшись вдруг приземлённым,
Идеальным тюремщиком кажется мне

Этот свежий, как боль, перламутровый снег,
Изнутри запирающий сердце внезапно,
Выстужая его – без надежды на завтра,
Где свобода-весна свой отчаянный бег

Посекундно сверяет с ручьём, что умчит
Стен тюремных осколки легко и хрустально...
Поднимите мне веки! Пусть сердце отгадает,
Изнутри вырывая от воли ключи!

Иван-чай

**...А ты мне говорил, что я вмещаю
Весь этот мир и звёзды, что над ним.
И розовые брызги иван-чая
Чуть трепетали над лицом моим.**

**И я смотрела в небо, открывая
Все главные из тайн его, пока
Мне августа палитра заревая,
Под иван-чай раскрасив облака,**

**Весь мир так незаметно разместила
За стёкла лживых розовых очков...
Реальность мне за слабость отомстила:
Лишь иван-чай отцвёл – ты был таков!**

**И каждый август я теперь встречаю
С улыбкой Моны Лизы оттого,
Что розовые брызги иван-чая
Напомнят вновь обмана волшебство...**

Она

**Он её просил не сходить с ума,
Не смеяться громко и невпопад,
А она была его личный ад,
Где взамен котлов – лютая зима,**

**Где сквозь снег таращатся фонари,
Освещая ночь, что пришла навек...
Он ей говорил: ты же человек!
А она – насмешливо: повтори!**

**Он смолчал, запнувшись: ведь раньше сам
Ведьмой исключительно звал, а тут...
И лилось прозрение рекой минут
По свой бег ускорившим вдруг часам...**

**...И из смеси снега и черноты,
Что считал он сущностью её чар,
Только смех отчаянный замолчал,
Проступили юной весны черты...**

Встреча

**Мы встретимся когда-нибудь во времени,
Небесными скрижалями отмеченном.
И праздник встречи будет бесконечен, но
Уже нога нетерпелива в стремени,**

**Уже стремятся кони приручённые
Обратно в бранный мир, где были дикими,
В седую степь, поросшую гвоздиками...
Не будут больше с нами нипочём они!**

**Ты спросишь: что же нам тогда останется?
Непознанные звёзды неба грешного?
Умчались кони. Мы остались пешими.
Никто не помешает встречи таинству...**

Всезнающий

**Ты говорил, что знаешь всё, – а я
Так легковерно с этим соглашалась.
Казалось мне, что наша встреча – шалость
Коварного земного бытия,**

**Которому нет дела до небес,
Где браки совершаются обычно...
Господь желает счастья в жизни личной,
А нас столкнул на перепутье бес.**

**Всё было просто: мимолётный взгляд
Всезнающего – столько в нём читалось!
Естественно, мне только лишь осталось
Шагнуть тебе навстречу – наугад**

**По шаткому над пропастью мосту,
Не глядя вниз, на Бога уповая...
Тем временем рогатый, напевая,
Под тем мостом отмерил высоту,**

**Чтоб после было падать побольней...
Врачуя переломанную душу,
Я, видно, перед новым чувством струшу,
Чтоб ненароком не расстаться с ней...**

Атеистка

**А день был, как нарочно, так хорош:
Безоблачен и безмятежен! Впрочем,
Такой же точно он сменился ночью,
Но ломаный ей оказался грош**

**Ценой. Ты отлюбил – и позабыл
И жадность рук, и нежность тонкой кожи,
И голос мой, что простонал: «О, Боже!»
И то, что ты в тот миг мне Богом был.**

**Я там теперь в безбожии живу,
Где ветрено, и облака так низко...
Я стала убеждённой атеисткой
В любви, чтоб удержаться на плаву.**

Светлана Нагибина

Георгиевская лента
Ветеранам Великой Отечественной войны

**Вы не стали монументами,
Вы надгробием не стали.
За Георгиевской лентою
Ваши звонкие медали.**

**День, дыханьем перехваченный,
Всколыхнёт живую память.
Научите разворачивать
Душу честными стихами.**

Старуха

*И кто напоит одного из малых сих
только чашею холодной воды.
Мф. 10:42*

В коробке комнаты ни звука.
Сидит старуха у окна,
Давненько поджидает внука,
И клетка комнаты прочна.

Трясутся руки Паркинсоном,
Букет рецептов на столе.
Не помнит, где стоят иконы,
И где на смерть её в узле.

Сын умер, очертанья стёрлись,
Одна старуха много лет
По дому ходит, тихо горбясь,
Да внука двигает портрет.

Была неласкова, бранила,
Корила, что уж говорить,
Пока столетнее сверлило
Не источило мысли нить.

Теперь тиха, как битый чайник,
Теперь уже не закипит,
И привередливый начальник
Давно старухою забыт.

Забыто всё: враги и беды,
И злоба лютая, и спесь,
И как далёко до Победы,
И что любовь на свете есть.

Дверь заскрипела. Слава Богу!
Пришёл не помнящий вражды
И протянул:
«Бабуль», – с порогу,
Как чашу, полную воды.

Рыбы цветастые

**Молишься наспех и тут же злорадствуешь.
Вышло, как Бог хотел, а не ты.
Рыбы в саду твоём ходят цветастые,
Не замечая твоей пустоты.
Скоро забудется, день перелистывать
Снежная мелочь до срока спешит,
И, покрывая собою нечистое,
Белым февраль, как нарочно, прошит.
Вновь не сочтётся никем и не вынется
Злая заноза из белого рта.
Рыбы цветастые дышат прерывисто,
Видя, как сердце метёт суета.**

Иду на Вяз

**А я опять иду на Вяз.
Походный ливень моет лето,
Попутных луж иконостас
Пускает в небо без билета.**

**Открыты двери облаков
И зал подсвечен не от скуки,
И наблюдает птицелов
Небес натруженные руки.**

Николе зимнему

На семидесятилетие поэта Николая Пересторонина

**Выйду перед светом через сотни лет,
Назову поэтом, для меня поэт.
Поменяю ль краски, оборву листы,
Даже без опаски не смогу на «ты».
Онемееет осень, попрошу зимы,
Снега у Николы зимнего взаймы.
Наваляюсь вдоволь, наваляю чушь
Неокрепшим словом от пещерных душ.**

Елена Игнатюк

Преемник

В маленькой гримёрке цирка перед зеркалом сидел всеми любимый клоун. Цирковой артист смывал грим. Вскоре на его лице погасла яркая улыбка, побледнел румянец, потускнели глаза. В зеркале отразилось лицо пожилого мужчины: крепко сжатый рот, выступающие скулы и печальный взгляд. Дверь гримёрки приоткрылась.

– Пётр, вас подождать? – спросил молодой мужчина.

Пётр глухо ответил:

– Минут десять, и я буду готов.

Он снял большие ботинки, рыжий лохматый парик, воротник-жабо, пёстрый костюм.

Через несколько минут из гримёрки вышел пожилой усталый мужчина. Никто из посетителей цирка не узнал бы в этом печальном человеке озорного клоуна. Взгляд Петра встретился со взглядом своего молодого спутника. Молча они прошли по коридору и вышли из здания цирка на оживлённую улицу. Летний вечер был тёплым. Сумерки ещё не наступили, а день уже угасал, отдавая последнее тепло городу и его жителям. Мужчины медленно пересекли площадь и вошли в чебуречную. Пётр терпеливо ждал. Его спутник, выстояв небольшую очередь, вернулся, поставил на стол тарелки с ужином и стаканы с горячим чаем.

– Скоро я смогу занять ваше место в цирке, – с волнением сказал молодой мужчина.

Пётр сурово посмотрел в глаза говорившего, затем громко произнес:

– Николай, вы никогда не сможете занять моё место.

Николай отвёл взгляд, но юношеская гордость взяла вверх.

– Ну как же?! Директор цирка обещал, что я займу ваше место. А с вами мы договаривались об обучении цирковому искусству и о первых репетициях.

Пётр гневно промолвил:

– Вы можете служить в цирке, выступать в клоунском наряде с ярким гримом. Вы даже можете занять мою гримёрку. Но никогда, слышите, никогда не будете на моём месте.

Ноздри мужчины раздувались от негодования. Глаза «метали молнии» в собеседника. Успокоившись, Пётр спросил:

– Как вы думаете сколько лет я работаю в цирке?

Молодой мужчина негромко ответил:

– Лет двадцать-двадцать пять, наверное.

Пётр сделал несколько глотков чая.

– Я служу цирку сорок лет! В пятнадцатилетнем возрасте я впервые попал в цирк. Выступление талантливых артистов, дрессированных животных, забавных клоунов, парящих под куполом воздушных гимнастов – всё это заворожило меня. Я занимался гимнастикой и после окончания школы без раздумий поступил в цирковое училище. Учиться было трудно, практика давалась сложнее, чем теория. Но я приложил немало сил, чтобы освоить ту профессию в цирке, которая больше других привлекала меня.

Пётр замолчал, вспоминая юность, головокружительный успех, овации зрителей, первую и единственную любовь.

– Слышал ли ты, Николай, о воздушном гимнасте Корнелиусе?

Пётр смотрел на собеседника в ожидании ответа.

– Конечно! – восторженно воскликнул Николай. – Корнелиус – не просто воздушный гимнаст. Он необыкновенно талантливый циркач. Придуманные им и воплощённые в жизнь трюки немногие смогли повторить. Но, к сожалению, Корнелиус умер много лет назад – разбился.

Пётр вытер набежавшую слезу.

– Разбился, но не умер. У меня был перелом позвоночника. Врачи не верили, что я смогу даже сидеть. Но воля к жизни и профессиональная помощь врачей помогли мне восстановиться. Специальные упражнения, массаж, поддержка коллег придавали сил и стремление к выздоровлению. Через два года я смог встать на ноги.

Николай удивлённо смотрел на Петра. После небольшой паузы молодой мужчина неуверенно сказал:

– Но ведь у Корнелиуса была жена Анжелина.

Пётр посмотрел в окно, будто вспоминая то, что осталось в далёком прошлом.

– Мою жену на самом деле звали Анной. Ей не нравились ни её имя, ни её фамилия, которую она приобрела в браке со мной.

Николай, жуя чебурек и запивая его остывшим чаем, произнёс:

– Ваша фамилия очень красивая – Полевой. Мне она нравится, потому что я...

В это время Николай замер. Смутная догадка потрясла его.

Пётр нахмурился и нехотя продолжил.

– Да, Анна Полевая. Она покинула меня, когда узнала, что я останусь инвалидом. Затем вместе с сыном уехала в Германию. Сейчас она живёт в пригороде Мюнхена.

Николай вёл себя странно. Он то смотрел на дверь, будто желая уйти, то испуганно поглядывал на Петра.

– А как зовут вашего сына? – хриплым от волнения голосом спросил Николай.

Пётр достал из кармана брюк бумажник, а из него небольшую фотографию.

– Моего единственного сына зовут Николаем.

Мужчина протянул собеседнику снимок и продолжил:

– Ни жену, ни сына я больше никогда не видел. Когда был на гастролях в Мюнхене, я трижды подходил к дому своей бывшей жены. Я струсил, не осмелился войти и снова увидеть семью, которую потерял. Даже не знаю, как мой сын сейчас выглядит. К сожалению, он повторил мою судьбу. Профессионально занимался спортивной гимнастикой, стал мастером спорта. Пять лет назад он оставил большой спорт из-за полученной травмы. – Боль исказила лицо печального клоуна. – Через три месяца я оставлю цирк, который стал мне настоящим домом. Я решил. Первое, что я сделаю, оставив службу, поеду в Мюнхен. Ведь самое моё большое желание – увидеть сына.

Пётр отодвинул тарелку с чебуреками, положив руки на стол, и наклонил голову.

Николай молчал, теребя в руках старую фотографию. На снимке сидела молодая красивая женщина, обнимая за плечи пятилетнего мальчика. Двое мужчин – пожилой и молодой – плакали. Печаль объединила их судьбы.

После затянувшейся паузы Николай заговорил первым:

– Пётр!

Пожилый мужчина поднял глаза, полные слёз, и, не стесняясь своих чувств, посмотрел на Николая.

– Пётр, – повторил молодой мужчина, – не нужно вам никуда ехать. Ваш сын перед вами!

Зонт

Лида бежала с работы, прикрывая голову от дождя сумкой. Ночная смена в больнице сказывалась усталостью и сонливостью. Вбежав в подъезд, девушка поднялась на третий этаж, вставила ключ в замочную скважину и с силой повернула. Послышался треск, и головка ключа, которую держала девушка, осталась у неё в руке, а бородка застряла в замке. Второй ключ был у Софии, подруги Лиды, ещё один у хозяйки квартиры, которая была в отъезде. Соня вчера уехала в длительную командировку. Лида расстроилась и решила подумать о своих дальнейших действиях в кафе на соседней улице.

Денег хватило только на кофе с пирожным. Дождь за окном усилился, крупные капли стекали по стеклу. С каждым новым посетителем в кафе проникала влажность и запах свежести. Лида старалась есть медленно. Она только месяц жила и работала в этом городе и кроме Сони и коллег никого здесь не знала. Девушка поела и вернулась в дом, где снимала квартиру. У соседки с первого этажа она узнала адрес домоуправления и направилась туда. Жалостливая соседка дала Лиде зонт. Большой чёрный, словно крыло ворона, зонт распростёрся над худенький хрупкой девушкой. Массивная ручка была сделана из кости и была украшена гравировкой. Надпись гласила: «Зонт принадлежит тому, кто находится под ним. После использования не забудь передать нуждающемуся». Лида прочитала странное пожелание. Зонт она намеревалась вернуть соседке. Но девушка не знала, что ждёт её впереди. После долгих блужданий по улицам Лида поняла, что заблудилась. Она попала в переулок, который оканчивался тупиком. Повернув назад, девушка решила войти в небольшой антикварный магазинчик, чтобы согреться, отдохнуть и спросить дорогу.

В магазине за прилавком сидел седой старик. Он натирал бархатной тряпочкой серебряный подсвечник и что-то бормотал себе под нос. Как только зазвенел колокольчик на входной двери, антиквар оставил свою работу и приветливо поздоровался с девушкой.

– Здравствуйте, – ответила Лида, – простите, я заблудилась. Искала домоуправление и зашла в тупик.

Старик улыбнулся в седые усы.

– Ничего случайного не бывает. В мой магазин редко заходят покупатели. Будь моей гостьей. Зови меня Яков Михайлович.

– А я Лида, – застенчиво ответила девушка.

Старик поставил чайник на плиту в крошечной кухоньке. Положил в розетку варенья, а в вазочку – сушек. Лида пила чай с антикваром и слушала рассказы о его молодости. О троих сыновьях, что давным-давно разъехались в разные стороны света. О жене, которая заболела гриппом и после продолжительной болезни ушла в мир иной. Яков Михайлович обратил внимание на зонт, который Лида поставила в уголок. Старик вертел в руках зонт, читая гравировку, и тихо плакал.

– Что с вами? – встревоженно спросила девушка.

– Эту надпись на ручке зонта я сделал после ухода из жизни моей жены Светочки. Она промокла под проливным дождём и заболела, потому что рядом не было никого, кто бы мог дать ей зонт.

Лида обняла старика, чтобы утешить его.

Дождь закончился. Яков Михайлович вместе со своей новой знакомой отправился к ней домой. С помощью плоскогубцев старик ловко достал бородку ключа. А часом позже он вручил Лиде два новеньких ключа. Девушка поблагодарила старика и вошла в квартиру. А в маленьком антикварном магазине в углу стоял зонт, который соединил два одиноких сердца.

Метаморфозы или действие цветочной пыльцы

Савелий старательно записывал историю своей жизни в тетрадь. Но значимым был один месяц, который перевернул его жизнь и разделил на до и после. Он хотел рассказать о своём прошлом, чтобы люди не допускали его ошибок.

Три года назад директор таксопарка Савелий Фёдорович был расчётлив и предприимчив. Умел экономить бензин, заменял новые автомобили на старые, манипулировал водителями, отправлял их на халтуру. У Савелия не было жены, он ни с кем не желал делить своё добро. Гораздо удобнее иметь рядом спутницу, которая довольствуется статусом невесты и не рассчитывает быть женой. Так жил уверенный в себе мужчина, и убеждения его были непоколебимы.

На сорокалетний юбилей Савелий Фёдорович пригласил гостей, должности и звания которых были значимыми в городе. Хозяин дома любил «дружить» с людьми, имеющими деньги и власть. Самым ценным подарком была туристическая путёвка.

Вскоре Савелий со своей подругой Ириной отправился на остров, где любила отдыхать английская королевская семья. Выйдя из самолёта, туристы ступили на землю Барбадоса. Жаркий климат окутал не привыкших к высокой температуре людей. Пара поселилась в дорогом отеле, а, отдохнув, отправилась на пляж.

Туристы посетили ботанический сад Андромеды с тропическими растениями, увидели баобаб, которому более тысячи лет. Савелий равнодушно осматривал сувенирную лавку, а его спутница выбирала себе подарок. Продавец предложил приобрести сосуд с пыльцой экзотических цветов. Она заменяла любые запахи цветочным ароматом. Порошок мог служить освежителем воздуха, его можно было вдыхать. Савелий скептически отнесся к действию вещества, а Ирина приобрела сувенир.

Днём позже пара отправилась на рыбный рынок, который поражал разнообразием рыбы и морепродуктов. Савелий не любил запаха рыбы, и Ирина уговорила жениха воспользоваться пыльцой. Сама она уже нюхала флакон и восторгалась диковинкой. Мужчина втянул ноздрями пыльцу и с удивлением обнаружил, что перестал ощущать резкий запах рынка. Лёгкий аромат цветов, казалось, парил в воздухе. Савелий не знал, что ждёт его впереди. Спустя время у него появился насморк, потекли слёзы, и возник отёк носоглотки. Мужчина потерял сознание. Когда его доставили в больницу, врачи поняли, что у пациента редкая форма аллергии. Флакон с пыльцой забрали на анализ, чтобы выявить аллерген. Врачи стали бороться за жизнь Савелия. Неделью держалась высокая температура, а мужчина не понимал, что с ним происходит. Взмолвленная Ирина сидела у постели больного.

Когда мужчина очнулся, то с удивлением обнаружил, что находится в таксопарке. Рядом были знакомые водители. К нему подбежала с недовольным видом диспетчер Людочка.

– Савелий, твоя смена! Ты что, спишь?

Глаза девушки метали гром и молнии.

– Как ты смеешь говорить таким тоном с директором таксопарка? – Лицо и шея мужчины покраснели.

Диспетчер хихикнула.

– С каких это пор водитель такси стал директором? Если не собираешься работать, то я пожалуюсь Якову Наумовичу.

Савелий на миг лишился дара речи. Яков Михалюк работал шофёром, они с Савелием друг друга на дух не переносили. Бывший директор таксопарка не сразу понял, что жизнь проверяет его на прочность. А случай, который произошёл с ним, изменит его до неузнаваемости. Мужчина уточнил первый заказ клиента, сел в автомобиль и выехал из гаража. Савелий был опытным водителем, и, отработав смену, вернулся в таксопарк. Его окликнул сменщик Андрей:

– Савелий, тебя подвести до общежития?

– Общежитие? – Растерянность не покидала мужчину весь день. Надежда, что он очнётся от странного сна, не оправдалась.

Проходили дни, не похожие на прежнюю жизнь Савелия Фёдоровича. Он успел поругаться с директором таксопарка Михалюком, понимая, как неудобно ездить на старой, почти не подлежащей ремонту автомашине. Мужчина с удивлением обнаружил, что Яков Наумович имеет такой же характер, какой имел Савелий в прежней жизни. Однажды его клиенткой стала красивая девушка, которой оказалась Ирина. Она не только не узнала его, но была высокомерна и неприступна. Внутренний мир Савелия перевернулся с ног на голову и заставил его иначе смотреть на жизнь. Он стал прислушиваться к мнению людей и раскаиваться в своих проступках. Последней каплей было происшествие с Андреем, который попал в аварию не по своей вине, но был уволен без выплаты компенсации. Савелий подговорил коллег, и они стали требовать у Якова Наумовича восстановить Андрея на работе, иначе все водители уволятся. Михалюк испугался и согласился выполнить условия подчинённых. У Савелия от радости защемило сердце, и он потерял сознание.

Когда мужчина открыл глаза, то увидел, что находится в больничной палате. Из глаз Савелия полились слёзы. Он поблагодарил небеса за то, что у него появилась возможность изменить свою жизнь...

В книжном магазине проходила презентация новой книги. Автор беседовал со своими будущими читателями, любуясь сидевшей в первом ряду женой с годовалым сыном на руках. А позже мужчина, улыбаясь, подписывал желающим книги с названием «Метаморфозы или действие цветочной пыльцы».

Взгляд тигра

Бочкарёв взял пятый вариант экспериментальных очков в руки. Линзы были прозрачными с лёгким золотистым оттенком. Профессор снял очки, без которых он уже много лет не мог обходиться, и надел опытный образец. Антон Николаевич и его коллеги десятилетиями занимались усовершенствованием и созданием оптических приборов. Очки были созданы для коррекции зрения, помогали хорошо видеть в темноте. А также позволяли фокусировать взгляд на любых предметах на расстоянии от пяти сантиметров до тысячи метров. Учёный подошёл к окну. Он посмотрел на дерево, на стоянку автомашин, затем перевёл взгляд на здание больницы, расположенной вдали. Постепенно он смог рассмотреть окно, палату, лежащую на кровати женщину и милиционера. Дверь палаты открылась, и в дверном проёме появилась медсестра. Девушка в коротком халатике радостно улыбнулась скучающему охраннику. Милиционер и медсестра начали оживлённо беседовать. Дверь оставалась открытой, и Бочкарёв перевёл взгляд вглубь больничного коридора. Там за колонной стоял мужчина, одетый в белый халат, медицинская маска скрывала его лицо. Он с напряжением во взгляде наблюдал за белокурой медсестрой, заигрывающей с милиционером. Бочкарёв рассмотрел в руках мужчины шприц. Через минуту незнакомец сделал несколько шагов вперёд. Его рука рассекла воздух, игла шприца впилась в шею ничего не подозревающего милиционера. Профессор понял, что действовать нужно быстро. Он впервые пожалел, что отказался от установки телефона в лаборатории.

Учёный снял очки, положил в металлическую коробку и спрятал её в сейф. Выйдя из лаборатории и спустившись вниз по лестнице, он метнулся к телефону, по которому говорил сторож. В отчаянии Антон Николаевич махнул рукой и вышел на улицу. Он бежал без верхней одежды, не замечая ни дождя, ни холода.

Через семь минут профессор уже входил в реанимационное отделение больницы. Коридор был пуст, на посту медсестра читала книгу. Профессор направился в палату, которую видел из окна. Медсестра попыталась его остановить, но Бочкарёв уже распахнул двери в палату. На кровати задыхалась молодая женщина. Медсестра в панике кинулась звать врача, но учёный остановил её:

– Подключайте её к аппаратам, быстро!

Медсестра стала выполнять полученную команду.

Тем временем профессор осмотрел комнату и увидел под кроватью милиционера. Вытянув обмякшее тело юноши, он нащупал пульс.

– Мёртв? – испуганно спросила медсестра.

– Жив! – уверенно произнес Бочкарёв. – Такая доза снотворного усыпит и льва.

Он поднял с пола пустую ампулу, завернул её в носовой платок и протянул девушке.

– Здесь могут быть отпечатки пальцев. Срочно зовите врача, чтобы спасти юношу, и вызывайте милицию.

Медсестра взяла ампулу, убедилась, что у больной восстанавливается дыхание, выравнивается пульс, и вышла из палаты.

Профессор вернулся в институт, надеясь, что экспериментальные очки под названием «Взгляд тигра» ещё работают. Предыдущий образец прекращал своё действие через тридцать минут. Учёными были изучены материалы о зрении тигров, которые превосходно видят и днём, и ночью. Но цветовая гамма зрительного восприятия человека намного шире, чем тигра. Последняя разработка линз дополняла зрительную систему человека. Стёкла были с многослойным напылением, которое обеспечивало глазам комфорт. Между двух стёкол были жидкие кристаллы, которые реагировали на длину световой волны. Фокусируясь на объектах, линзы включали в работу глаза человека.

Мужчина вошёл в лабораторию и почувствовал тревогу. В воздухе витал еле уловимый аромат ванили. Учёный открыл сейф и сразу увидел, что одного ящика нет. Линзы для сверхчувствительного микроскопа и анализатор воды были на месте. Не было только очков «Взгляд тигра». В полки и стенки сейфа были встроены мощные магниты, которые в случае варварского взлома не позволяли взять металлические коробки с приборами. При открытии сейфа магниты автоматически выключались и наоборот. Каждый ящик запирался на уникальный ключ. Сейф был оснащён кодовым и магнитным замками. Знали код и имели ключи только трое: Бочкарёв и его коллеги Мелихов и Валетов. Иван Романович Мелихов был на симпозиуме в Мюнхене. Андрей Алексеевич Валетов лежал с радикулитом в больнице. Он был надёжным сотрудником и никогда никого не подводил. Антон Николаевич закрыл сейф и решил направиться в больницу, чтобы поговорить с Валетовым. Он запер дверь лаборатории, спустился на первый этаж и постучал в окошко, за которым сидел сторож. Был воскресный день, и институт пустовал.

– Илья Олегович, кто-нибудь приходил недавно?

Молодой мужчина ответил:

– Нет!

– Сегодня кроме меня в институте никого не было? – снова поинтересовался учёный.

Охранник хотел вновь дать отрицательный ответ. Но через мгновение его посетило приятное воспоминание, и мужчина расплылся в улыбке.

– Полчаса назад женщина заходила. Позвонила в дверь, сказала, что плохо себя чувствует. Зашла, чтобы отдохнуть. Минут пять назад ей стало лучше, и она ушла.

Профессор, тщательно скрывая недовольство, посмотрел на Илью Олеговича.

– И где она отдыхала?

Антон Николаевич не сводил пристального взгляда с охранника. Молодой мужчина встретился взглядом с учёным и растерялся.

– Она чуть сознание не потеряла. Я её в гостевую комнату провёл.

Профессор посмотрел на дверь комнаты ожидания, предназначенной для гостей сотрудников научно-исследовательского института. При желании можно было выйти из гостевой и, согнувшись, пройти рядом с кабинетом охраны к лестнице. Бочкарёв вошёл в комнату и вновь почувствовал запах ванили. Мужчина тщательно осмотрел помещение, но ничего необычного не заметил. Антон Николаевич знал, что если экспериментальные очки не будут найдены, то проект «Взгляд тигра» закроют навсегда, а его уволят из института. Идей у талантливого учёного было много, а воплотить их в жизнь при ограниченном времени и малом бюджете было почти невозможно. Профессор открыл дверь, чтобы выйти, но заметил какой-то блестящий предмет на полу. Он нагнулся и поднял с пола продолговатый ноготь лилового цвета. Учёный узнал у охранника приметы незнакомки. Но одежда, парик и очки могут преобразить любую женщину до неузнаваемости.

Через десять минут профессор уже входил в больницу. Мужчина открыл дверь в палату и увидел возле окна Андрея Алексеевича. Рядом с ним стояла обворожительная красавица. Антон Николаевич, который избегал женщин и занимался всю свою жизнь только наукой, замер на месте. Ему пришлось сделать усилие над собой, чтобы подойти к коллеге. Валетов радостно поприветствовал Бочкарёва и пожал ему руку.

– Рад видеть тебя, дружище! Познакомься, моя жена Виктория!

Профессора окутало облако ванильного аромата, и Антону Николаевичу вдруг всё стало понятно. Валетов, который женился около месяца назад, начал замечать ухудшение памяти и внимания. Он стал носить с собой записную книжку, хотя раньше на память никогда не жаловался. Андрей Алексеевич помнил наизусть все формулы и все этапы испытаний держал в уме. А самое главное, Бочкарёв вспомнил, что жена Валетова ещё три месяца назад была невестой Игоря, племянника директора института.

Учёный заставил себя улыбнуться женщине и сказать, как ему приятно с ней познакомиться. Виктория протянула профессору правую руку, левая рука была сжата в кулак. Но Антон Николаевич прекрасно видел лиловый цвет лака на ногтях красавицы. Он повёл себя очень галантно и поцеловал даме руку. Женщина улыбнулась и утратила бдительность. И когда Виктория поправляла волосы левой рукой, было хорошо видно отсутствие одного накладного ногтя.

Профессор достал из кармана искусственный ноготь.

– Уверен, это принадлежит вам!

Женщина радостно воскликнула:

– Где вы его нашли?

Ответ был предсказуем:

– Там, где вы его потеряли!

У женщины с собой была только маленькая сумочка. «Где же находится коробка с очками?» – задавал сам себе вопрос учёный. Он пожал руку коллеге и попрощался с его женой. Вышел на улицу, нашёл укромное место и стал ждать.

Через несколько минут Виктория выбежала из больницы. Она быстро подошла к стоянке и щёлкнула брелоком. Машина мигнула загоревшимися фарами, приветствуя хозяйку. В это время женщину окликнул молодой человек. Жена Валетова заблокировала машину и с очаровательной улыбкой поспешила навстречу мужчине. Бочкарёв прокрался к ярко-красной машине и спустил воздух с двух покрышек. Профессор затаился за деревом. Виктория вернулась, села в автомобиль и стала выезжать со стоянки. Машину занесло в сторону. Раздражённая женщина выскочила из автомобиля и побежала догонять своего знакомого. Машина осталась открытой. Ключи были в замке зажигания. Учёный вышел из укрытия, подошёл к автомобилю и осмотрел салон машины. Затем Антон Николаевич открыл багажник, но там лежали только огнетушитель и пакет с продуктами. Профессор ещё раз проверил салон и увидел ящик, который был спрятан между пассажирским и водительским креслами. Он взял коробку, закрыл машину и надел экспериментальные очки. Всё вокруг стало принимать чёткие очертания, очки продолжали работать. Бочкарёв положил очки обратно в короб.

Пятнадцать лет назад учёный преподавал в университете физику. Сын председателя обл-исполкома Вадим Хвостов редко посещал его лекции. Юноша хамил и дерзил преподавателям. Бочкарёв был строг и не прощал своим студентам наглости. Антон Николаевич добивался, чтобы Хвостова отчислили из университета. Но ректор перевёл студента на заочную форму обучения, чтобы избежать ссоры с его отцом. А сейчас Хвостов Вадим Давидович возглавляет научно-исследовательский институт, в котором работает Бочкарёв, и конфликты между ними возобновились. Проект «Взгляд тигра» после успешных испытаний желали выкупить японцы, но команда учёных хотела, чтобы уникальные очки были применены в военных целях в своём отечестве.

Учёный подходил к институту, чтобы положить очки в сейф. В это время его догнал молодой человек, с которым разговаривала Виктория. Бочкарёв оглянулся и узнал в мужчине племянника Хвостова. Учёный почувствовал сильный удар по голове и отключился. Когда он пришёл в себя, то увидел, что недалеко от него лежит открытый короб, планшет с формулами и очки с разбитыми стёклами. Охранник института помог Антону Николаевичу подняться и усадил его на ступеньки. Илья Олегович объяснил профессору, что увидел его лежащим без чувств и бросился на помощь. В стороне стоял Игорь, он открывал ящик и доставал очки. Сторож пытался выхватить у него очки, но тот сделал рывок назад, очки выскользнули из его рук и разбились. Молодому человеку оставалось только спастись бегством.

Профессор был растерян. Уникальные линзы опытных очков были только в одном экземпляре. Учёный смотрел вокруг равнодушным взглядом. Одного он не понимал, почему видит

всё чётко и ясно. Бочкарёв снял очки и посмотрел на стёкла. Они были прозрачными, с лёгким золотистым оттенком. Антон Николаевич улыбнулся и радостно произнёс:

– Взгляд тигра!

Учёный понял, что в спешке положил в коробку вместо уникальных очков свои очки с диоптриями. Именно они и разбились.

Возрождение

Семь разноцветных солнц, которые вставали каждое утро, чтобы осветить планету Ануаф, угасали. Три голубых луны, мерцающие на ночном небосклоне, затуманились. Золотые звёзды стали исчезать, и приближалась тьма. Озёра, реки и колодцы постепенно высыхали. Люди и животные не жили, а выживали, не зная, что будет завтра.

А сто лет назад на планете царил мир. Семь племён сохраняли связь друг с другом и планетой. Старейшины раз в год собирались на общий совет и решали, что нужно улучшить в мире. Жизнь текла спокойно и размерено.

Однажды один из вождей возгордился. Посчитал, что он могущественнее других лидеров, и бросил вызов творцам. Боги-создатели в наказание перенесли старейшину в пустыню и обрекли его на сто лет одиночества. В назидание людям силы небес оставили всех без своей защиты. А жители планеты подумали, что старейшина погиб во время сезона дождей. Никто и не догадывался о том, что случилось на самом деле.

На общем сборе вожди не получили знака свыше об избрании нового главы племени. Это означало одно: исчезнувший старейшина жив. С тех пор связь между племенами и планетой стала медленно ослабевать. Все люди издревле были разделены на семь групп, каждая из которых отвечала за стихии воды, огня, земли, воздуха, за животный и растительный миры, а также за людей.

Прошли десятилетия. Мир на планете Ануаф изменился до неузнаваемости. Сотни раз собирались вместе вожди, но седьмой старейшина так и не был избран. Хотя люди здесь жили по три столетия, но вожди племён, как и остальной народ, стали стареть. Жизненные силы покидали планету.

Как-то раз в глубокой пещере тигрица родила трёх тигрят. Старший был самым крупным и смелым. Средний был ловким и умным. А младший был очень слабым, и мать подумала, что ему не суждено выжить. Тигрица решила выбросить слабого малыша из пещеры, за которой почти сразу начинался обрыв. Хищное животное взмахнуло лапой над младшим детёнышем, но тигрёнок уклонился и избежал гибели. У тигрицы расширились зрачки. Мать подтолкнула младшенького к выходу и с силой ударила. Но лапа тигрицы рассекла воздух. Когда и в третий раз малыш увернулся и посмотрел на мать, она поняла, что родила необычного тигрёнка. Его ждёт впереди славное будущее.

Спустя несколько месяцев в последний раз решили собраться вместе шестеро старейшин. Слабая надежда ещё теплилась в сердце одного из них. Накануне во сне он видел тигра, который шёл к месту сбора вождей. А ведь именно племя мира животных осталось почти на целый век без правителя. И вот старейшины встретились вечером, когда над планетой не бушевали песчаные бури, и не заливали землю ливни. Ночью становилось тише, к людям и животным на короткое время приходил покой. Вожди племён развели костёр и сели полукругом. Шестеро мудрецов с мольбой обратились к своим богам-создателям. Планета молчала и не подавала знака обессиленным людям. Один из старейшин предложил объединиться в единой молитве. Трое мужчин и трое женщин соединили свои руки, закрыли глаза и стали шептать текст древней молитвы. В это время в пустыне молил о пощаде для своих соотечественников раскаявшийся и забытый всеми вождь. Слезы покаяния лились по его усталому лицу. Медленно тянулось время. Наступали сумерки. Три тусклых луны освещали планету Ануаф. Было тихо-тихо, только трещали дрова в костре. Люди открыли глаза в ожидании ответа от высших сил. Но ничто не нарушало безмолвия. Лишь вдалеке сквозь тьму шли двое. Через несколько минут, когда вождями овладело отчаяние, в свете костра показались две фигуры. Это была тигрица со своим сыном. Младший сын не раз удивлял мать. Он оказался самым сильным, ловким и умным среди её детей. К тигрице во сне пришёл создатель мира животных – бог Ануаф.

В образе тигра он поведал матери о том, что её сын был избран возглавить племя, которое осталось без вождя.

Старейшины поняли, что они были удостоены высшего знака небес. Тигрица села недалеко от людей, а молодой тигр медленно вошёл прямо в огонь и исчез. Яркая вспышка осветила округу. Пропавшие звёзды вернулись на небо. Три луны вновь голубели на небосводе. А с неба в белом сиянии спускался молодой мужчина, закутанный в оранжевый плащ с чёрными полосками. Человек коснулся земли и сел рядом с вождями. Старейшины плакали. Они знали, раз верховный бог Ануаф воплотился сначала в тигра, а затем в человека, значит, планете суждено возродиться. Ранним утром над планетой снова возшло семь ярких разноцветных солнц.

Мария Камушкова

Ходики

**На стене старинные ходики
Отмеряют за часом час,
И под звуки простой мелодии
Мы танцуем любимый вальс.**

**Сколько вместе лет уже прожито,
Было всякое – боль и грусть,
Время нашу жизнь подытожило...
Сединой в висках, ну и пусть.**

**На окне герань разноцветием
Всё пышнее из года в год,
Душу радуя долголетием,
Нам любви и сил придаёт.**

**Сколько вместе лет уже пройдено,
Переплыто глубоких рек,
Но всё те же старые ходики
Отмеряют нам новый век.**

**Разногласия, красноречия
Мы в шкатулке резной храним,
А ещё одним летним вечером
Наше счастье добавим к ним.**

**Горизонт нас манит дорогами,
Лентой стелется ровный путь.
Ты махни рукой у порога мне
И в пути обнять не забудь.**

**На стене старинные ходики
Отмеряют за тактом такт.
Мы простую нашу мелодию
Вместе слушаем просто так.**

**Сколько прожито, сколько пройдено,
Но исправно стучат для нас
На стене старинные ходики,
Отбивая за часом час.**

Письмо

«Ну здравствуй, это я, ну как дела?
Вчера в бою я был смертельно ранен,
Лишь про себя успел подумать: «Рано!»
А ты всё утро весточки ждала.

Стояла на рассвете у окна,
В кармане теребя платочек алый,
Но глядя вдаль, конечно же, не знала,
Что в этот миг осталась ты одна.

И не спешил усталый почтальон
К тебе прийти с такой тяжёлой вестью,
Он так привык с тобой нас видеть вместе,
Но, без сомненья, был в тебя влюблён.

Ты только, дорогая, не грусти,
Впусти рассвет в открытое окошко,
Ты подожди меня ещё немножко —
Моя душа уже к тебе летит.

А я пока пишу тебе письмо,
В нём о любви лишь три коротких слова,
Но знаю, скоро встретимся мы снова:
Ты верь, мы будем вместе всё равно.

Ну ладно, дорогая, не скучай,
Ты посмотри, какое нынче лето!..
Прости, что не дождался я ответа!
Целую и люблю! Твой Николай!»

Точка и зрение

**Жизнь наши годы крадёт без зазрения,
Время меняет и точку, и зрение,
Катится солнце за новым вчерашнее,
Завтра придёт, чтоб о прошлом не спрашивать.**

**Звёзды порхают, сияя и падая,
Осень над лесом шуршит листопадами,
Снег серебрится полосками белыми,
Вдаль убегая ручьями несмелыми.**

**Жизнь с каждым годом мудрее становится,
Прошлого тень за туманами кроется,
С толку сбивая и точку, и зрение,
Время меняет своё направление.**

**Вихри под небом неистово вертятся,
С каждым падением в лучшее верится,
Эхом разносится грома знамение,
Ветер меняет своё направление.**

**Солнце к закату стремится размеренно,
Жизнь на века бесконечно разменяна.
Ветер вздохнёт и в одно лишь мгновение
Вновь поменяет и точку, и зрение.**

Ностальгия

**На чердаке, среди старого хлама
Лежат давно забытые вещи:
Вот самокат, что купила мама —
На нём теперь лишь множество трещин.**

**А самолёт, что дарили брату:
Давно разбился тот истребитель...
В тот день пилоту дали награду,
Теперь у брата личный водитель.**

**А эта кукла, что плачет вечно:
Её сестрёнка нашла под ёлкой.
И платья, шитые бесконечно,
Теперь не модны уже нисколько.**

**А этот стол: сколько в жизни видел!
Гостей, рождений, поминок, плясок.
И первый ламповый телевизор
Его как будто украсил сразу.**

**И тот комод, что давно без ножки,
В углу томится покрытый пылью...
И стопка книг в помятых обложках
Расскажет внукам, как это было...**

**На чердаке среди старого хлама
Лежит давно ушедшее детство...
А нам яичницу жарит мама.
Ну что ты? Вот же мы! Дай раздеться.**

«Где-то там, нулевым километром непрожитой жизни...»

Где-то там, нулевым километром непрожитой жизни
Мы уходим в закат, раздвигая завесу небес.
И за точкой отсчёта немеет зеркал закулисье,
Отражая черты горизонта невидимый блеск.
Где-то здесь недосказанных слов нераскрытая тайна,
Мы уносим её, оставляя лишь памяти след.
А за серым туманом звенит колокольчик печально,
Навсегда разделяя дорогу на «было» и «нет»!
Тихо встав у последней черты неушедшего лета,
Мы махнём, обернувшись, дрожащей рукой в пустоту.
Может, вспомнят о нас на другом, не на том километре
И зажгут незаметно вон ту голубую звезду.
Где-то там, где в багряном закате купается солнце,
Мы присядем на миг перед тем, как уйти навсегда...
Слышишь, словно кудрявый мальчишка задорно смеётся
На другом километре, где ночью зажжётся звезда.

Париж

Я подарил тебе Монмартр,
Собор и Эйфелеву башню,
И это всё нарисовал...
Я на обоях в спальне нашей.

Едва к рассвету я успел
Шедевр свой праздничный закончить,
Как твой будильник зазвенел,
Что в чистом поле колокольчик.

И ты, прекрасна, как заря,
В рассвет вошла под солнца лучик,
И улыбнулась, говоря,
Что нынче сон приснился лучший.

Что снился сумрачный Париж,
Собор и Эйфелева башня,
Что на Монмартре ты стоишь,
/Но всё как будто в спальне нашей/.
А за окном осенний дождь,
Под ним, свиданья ожидая,
Продрог, но ты всё не идёшь —
Сегодня опера в Ла Скала...

А мы стояли у окна
В родной московской спальне нашей,
И сквозь осенний дождь видна
Была Останкинская башня,
Там Москва-Сити и Большой,
А там Арбат художник пишет...
Мы были счастливы с тобой
В том нарисованном Париже.

Осенний дождь стучит в стекло,
Промозглый ветер рвётся с крыши,
И так с тобой мне повезло
Пусть здесь, в Москве, а не в Париже.
Я приглашу тебя в кафе,
Где на двоих накрытый столик,
Приятный запах Нескафе
И мой рисунок на обоях...

Сидим счастливые вдвоём
На стульях, сдвинутых поближе...
И ароматный кофе пьём

В том нарисованном Париже.

По Сальвадору Дали

Взрывая интегралами нули,
Врезают ночь небесные качели,
И сходятся под красками Дали
Хвост ласточки и скрип виолончели!

Даёт судьба неистовый отпор
Стенаниям великого маэстро,
Но снова боль вступает в разговор,
И стоптанное сердце рвётся с места.

Высок и нежен ласточки полёт,
Как состраданье, смешанное с горем,
Но в небо ей подняться не даёт
Виолончель своим жестоким воем.

Раскинув эфы выгнутой змеёй,
Скрипит по нервам, издавая звуки!
И, разрушая сладостный покой,
Ведут смычок невидимые руки.

Предвестником беды и катастроф
Последние штрихи на холст слетели,
Сведя под параллелями усов
Хвост ласточки и скрип виолончели.

Бабочки

**Белых бабочек покрывало,
Паутинками бахрома.
Ты так часто любовь писала,
Что влюбилась в неё сама.**

**Мягкий локон ложится лентой,
Чертит кружево воротник.
А в пастельных штрихах портрета
Отражается нежный лик.**

**Чёткой линией спелых вишен,
Ярким проблеском карих глаз
Вся палитра как будто дышит,
В крыльях бабочек растворясь.**

**Всё вокруг наполняя светом,
Сотни бабочек пляшут твист.
А в пастельных штрихах портрета
Кружит первый осенний лист...**

Ирина Арсентьева

Пир во время чумы

Ту минуту, когда тяжёлые серые тучи внезапно напозли неизвестно откуда, заволокли небо и опустили так низко, что казалось, что тотчас раздавят, никто не заметил... Просто не мог заметить. Минута во Вселенной тянется очень долго. Не так, как здесь, внизу.

«Хлеба и зрелищ! Хлеба и зрелищ...» – весело отбивают ритм всеобщего веселья ноги. Слышите? Пир во время чумы. Сколько раз это всё здесь уже повторялось? И повторится ещё не раз... Но без нас.

Во все времена хотелось и хочется хлеба и зрелищ, и поэтому слышится именно эта танцевальная мелодия, неизвестно кем сыгранная и умело навязанная. Он, этот кто-то, с копытами и рогами или с огромными крыльями из нежных перьев? Белых или чёрных... Для кого как...

Музыка никого не может оставить равнодушным, поэтому ноги сами уносят танцующих в головокружительный хоровод. Всех тех, кто её слышит... Сливаясь в едином порыве, они не замечают, что наверху именно сейчас вершится их судьба и судьба миллиардов других.

Неутомимо несётся по небу на колеснице ВРЕМЯ. Падают сверху зёрна будущих посевов. Не все из них долетают до нужной точки. Многие растворяются в пространстве веков. Но некоторые всё же долетают, и это вселяет надежду. «Что посеешь – то и пожнёшь», – так говорят. Что же посеет сегодняшний день?

Может, только там, где серые тучи ещё не успели скрыть прозрачности небосвода, прорастут несмелые всходы чего-то нового и очень нужного! Необходимого для будущих поколений.

А пока ноги отбивают ритм всеобщего веселья: «Хлеба и зрелищ! Хлеба и зрелищ...»
Пир во время чумы...

Погаснут свечи...

Этот музыкальный вечер для неё особенный. И не потому, что будет играть сам маэстро. И не потому, что свет увидит фантазийные работы известного кутюрье. Удастся ли ей скрыть от посторонних глаз то, что знают только двое. Вот что её тревожит...

Маленькими предательскими бесенятами вспыхивают в глазах отражённые всполохи свечей. Алеют щеки от близости возлюбленного. Припухшие губы беззвучно шепчут его имя.

Пальцы великого Шуберта касаются клавиш, и мелодия начинает вытеснять пространство и время, унося во вчера.

Она пытается не думать об этом, но взгляд художника, устремлённый на её вздымающуюся от частого дыхания грудь, заставляет дрожать от приятных воспоминаний. Беспокойные тонкие руки выдают волнение, и она пытается унять его, прикасаясь к прохладному атласу платья, и сосредоточиться на музыке.

Бесполезно: глаза её следуют за движениями рук по ту сторону холста.

...Смелые опытные пальцы скользят по шелковистой, почти детской коже, пробуждая первые желания. Вокруг никого. Только лёгкий вечерний ветерок шелестит колосьями, да монотонно жужжит запоздалая пчела, слизывая остатки сладкого лугового нектара.

Юное тело влажнеет в объятиях. Любовные капли росы и колоски, и пчелка-искусительница оттиском ложатся на гладкую ткань.

Кисть художника плавно выводит изгибающиеся в нетерпении линии, потом вдруг наносит несколько резких уверенных мазков, и всё замирает.

Не слышно голосов. Последний аккорд симфонии повисает в воздухе почти стоном...
Гаснут свечи...

Март

Смотреть в окно и видеть, как обгоняют друг друга сапоги, – занятие для тех, у кого их нет! Не купили! Забыли. Не позаботились заранее.

– Чавк-чавк-чавк... – Ковыляет старик в калошах. Калоши на валенки натянул. Боится простудиться. Остановился, долго кашлял в шарф и кряхтел. А потом снова: – Чавк-чавк-чавк...

– Чок-чок-чок... – Скачут каблучки по бугоркам наледи. Девчонка на удивление не боится упасть, уверенно перепрыгивает через лужи. А в них облака отражаются – бегут. Бежит вслед за ними и девчонка. – Чок-чок-чок...

– Хлюп-хлюп-хлюп... – Топают мальчишка лет шести. Конопушки на носу. Старается обрызгать всех вокруг. Мать тащит его за руку, он упирается, а брызги из-под ног разлетаются, тяжело падая обратно в воду. – Хлюп-хлюп-хлюп...

– Шлёп-шлёп-шлёп... – Тётка с сумкой тащится еле-еле. Набрала продуктов впрок: соседки сказали, что будет дефицит. Присела на скамейку, передохнула. Потёрла руки. Платком промокнула испарину, выступившую на лбу. Вдохнула глубоко, собралась и обречённо пошла дальше. – Шлёп-шлёп-шлёп...

И никто не замечает весну! А ведь она совсем близко. Посмотрите, как голубеет день ото дня небо! Как воробьи, собравшись на кустике, что растёт у подъезда, радостно совещаются о чём-то. Строят планы, наверное. И солнце светит так, словно устроилось на работу растопителем снега. Растопит – и премию получит...

А сапоги всё чавкают, чокают, хлюпают, шлёпают...

Ольга Бажина

Вновь прощается лето золотыми шарами...

**Вновь прощается лето золотыми шарами,
Словно солнца лучами стараясь согреть,
И готовится осень шальными кострами,
Рыжим пламенем бабьего лета гореть.
А из флоксов пока Август пеною брызжет!
В этом море цветочном тонет летняя тень,
Звездопад с неба льётся, осень ближе всё, ближе,
И редее лесная пушистая сень,
Но, красуясь, Сентябрь бронзой, златом заблещет,
И, последнюю пышность и яркость даря,
Перелётными птицами вдруг затрепещет,
Чтоб совсем отпустить их в конце Ноября!
Затанцует Октябрь золотым листопадом,
А Ноябрь, обнажая деревьев тела,
Вновь с ветрами, дождями окажется рядом,
И в ознобе земля задрожит без тепла.
Но Декабрь проберётся к ней тайною тропкой,
Снежной шалью укроет ей плечи и грудь,
Чтоб она не замёрзла, и ласкою робкой
Отогрев, до весны даст спокойно уснуть!**

Почему не спасся?

**Он смотрел очами людям в души,
Отгоняя смерть от них рукой!
Кто его самозабвенно слушал,
Обретал и веру, и покой!
И в сердца вливались притчи-речи,
Верилось его словам, рукам.
Шли за сыном Божье-человечьим
Души, поднимаясь к облакам!
Он любил и праведных, и грешных,
Заблудившихся в судьбе прощал,
А кому-то виделось потешным
То, что он пророчески вещал!
А когда завыли фарисеи,
Не сознавшись в немощи пред ним,
Преданный народом Моисея
Он народом этим был гоним.
Не могли представить иудеи,
Чтоб пророк себя спасти не мог,
Что за их бессмертие радея,
Сына в жертву преподнёс им Бог,
Их грехи отмыв сыновней кровью!
Оставаясь верным до конца,
В муках сын отвечивал любовью,
Не предав небесного Отца!!!**

Ты – женщина

**Ты из ребра Адама появилась,
Как наш Творец однажды пожелал!
Когда же ослушаньем провинилась,
То Бог за это строго покарал,
Изгнав Адама и тебя из Рая!
Ты понимала, в чём твоя вина,
Свою судьбу земную выбирая,
Не ведая, как нелегка она!
Но, обладая нежным телом, кожей,
Не стала перед нею ты дрожать
И выбрала, что для тебя дороже:
Детей, что в муках предпочла рожать!!!
Сквозь Млечный путь и сквозь тысячелетья
Твоя душа за счастьем понеслась
И перед непогодой лихолетья
Сумела устоять и не сдалась!
Ты – женщина, и в рубище убогом
Ты будешь всех прекрасней на Земле,
Ты – избранная, созданная Богом,
С отметкою терпенья на челе!!!**

Какие мы разные!!!

**Природа поделила нас на нации,
Дав разный цвет, размер и форму глаз,
И в вихре ураганном информации
Заставив о добре забыть подчас
И чувствами не лучшими питаюсь,
Вселяется в нас шовинизма бес,
И, превосходства спрятать не пытаюсь,
Своё мы превозносим до небес,
Других культур порой не уважая
И нации другие унижая,
Себя считаем выше интеллектом,
Культурой, языком и диалектом!
Все остальные тёмные, заблудшие!
Но кто, когда сказал нам, что мы лучшие?
Нас сотворила разными Природа!
Но у любого на Земле народа
Средь гениев встречаются злодеи,
Аристократы духа и плебеи!
И в новомодном мире виртуальности,
Которым так гордится этот век,
Я знаю только две национальности:
Плохой или хороший человек!**

Поэма о русской душе

Летний день своим теплом вливался,
Обнимал жужжаньем пчёл, шмелей,
Пенностью жасмина любовался,
Погружаясь в аромат-елей!
Солнечность кувшинок и купавен
Отражала озера вода,
Лилий белые тела купались,
Наготой своей гордась тогда.
И в реке порою возникали
На воде круги и пузыри:
Тени рыбок под водой мелькали,
И кипела рыба жизнь внутри!
Я шагал с этюдником, палитрой,
Краски спали в тюбиках пока.
И вышагивали в кедах быстро
Ноги городского паренька!
В день такой звенящий голосами,
Звоном пчёл, полётами стрекоз,
Радость излучалась небесами,
Солнце упивалось влагой рос!
Капли лишь травинкам оставляя,
Торопилось жажду утолить,
Светом глаз лучистых ослепляя,
Зноем с неба начинало лить!
А на берегу у гибкой ивы,
Где качался над водой тростник,
С шевелюрою седой красивой
В одиночестве сидел старик
И следил глазами за удою
И за колебанием блесны:
Ждал движенья рыбы под водою
И прыжка её из глубины!
Дед был сухопарый и высокий,
Сам похожий на тростник речной,
И такой безмерно одинокий
В этот летний жаркий выходной!
Что за мысль в мозгу его вертелась?
Может быть, о прожитом былом?
И тогда мне сильно захотелось
Поделиться с ним своим теплом!
«Не клюет, отец? – начать беседу
Постарался я. – Здесь рыбы нет?»
И в глазах почти бесцветных деда
Радости погасшей вспыхнул свет!
«Не клюёт!» И по акценту понял,

Я, что иностранец предо мной
«Немец я», – он голову приподнял,
Повернувшись вдруг к реке спиной!
«О, у вас не как у нас рыбалка.
Ведь в Германии и рыбы – тьма!»
«Юный друг, – сказал он, – мне вас жалко.
Для России Запад наш —тюрьма!
Вас манит Европы сладкий запах,
Кажется, что воздух в нём иной,
Но напрасно кажется вам Запад
Домом много лучше чем родной!
Западные блага для народа
Вашего видны со стороны,
В нём реальной кажется свобода,
Только в ней оковы не видны!»
Замолчал старик и, из кармана
Сигарету вынув, закурил,
На меня взглянул немного странно,
А потом опять заговорил:
«Ты не удивляйся, что умею
Я, как ты, по-русски говорить.
Не любить Россию я не смею
И готов раз сотню повторить!
Тот, кто вновь Россию проклиняет,
Не поняв её души большой,
Истинной цены ей не узнает,
Не столкнувшись с русскою душой»!
Немец замолчал, блуждая взором,
Но когда опять поднял глаза,
На меня взглянул с немым укором,
А потом мне вот что рассказал:
«Воевал не по своей я воле —
Призван Третьим Рейхом на войну,
До сих пор сжимается от боли
Сердце за невольную вину
И за преступления тех в России,
Чьим телам в земле её лежать
И кого к себе вы не просили
Издаваться, мучить, убивать!»
Курт, так было имя немца, снова
Нервно сигарету закурил,
Словно подавившись этим словом,
А потом опять заговорил.
«Как-то мы пришли однажды в город,
Что до основанья был разбит,
Нашей авиацией распорот,
Каждый дом, как человек, убит.
Вдруг увидел я среди обломков
На останках дома в кирпичках:

Грязный, бледный и худой мальчонка
С голодом, отчаяньем в очах!
У меня с собой был вкусный сладкий
Для солдата Вермахта паёк!
Протянул ему я шоколадку!
От меня отпрянул паренёк!
Я ему сказал: «Ты ешь, не бойся!
И меня не сторонись ты впредь!
Ешь спокойно и не беспокойся,
А не то, ведь, можешь умереть!»
Он зажал в руке подарок сладкий,
Чтоб пред искушеньем устоять,
И промолвил: «Эту шоколадку
Надо малышам – их целых пять».
А потом откуда-то, как мышки,
Предо мной возникли сразу вдруг
Пятеро: девчонка и мальчишки!
Шоколадку разделил им друг.
По кусочку каждому досталось,
Зажевала сладко ребятня.
Только для парнишки не осталось
Ни крупинки сладкой от меня!
На поступок этот благородный
Я без кома слёз не мог смотреть
И сказал ему: «И ты голодный,
Ты же тоже можешь умереть!»
Но в ответ: «Я не умру, не бойтесь!
Я смогу, я выдержу, клянусь!
Я ведь – русский, вы не беспокойтесь!
Я победы и своих дождусь!»
Перед несгибаемою силой
Духа русского склонился я!
Было имя мальчика Василий,
И ребята – не его семья!
Их дома обстрелами разбило,
К ним домой с войной пришла беда:
Всех родных бомбёжками убило,
Сделав их сиротами тогда!
Я несчастным русским ребятишкам
Сам продукты иногда носил,
Помогая выживать детишкам,
Кто меня об этом не просил!
А когда мои однополчане
Думали, что это для собак,
Я им отвечал своим молчаньем,
А они смеялись: «Вот чужак!»
А среди девчонок и мальчишек,
Что Василий смог спасти тогда,
Появилось десять ребятишек,

И для каждого была еда!
И они по крошечкам клевали
Всё, что я голодным приносил,
И в кашу превратив, жевали
Тщательно, чтоб жить хватало сил!
Незаметное промчалось время.
В дни победной той для вас весны,
Отступая, покидал со всеми
Этот город я в конце войны
И пришёл с ребятами прощаться,
Чтоб сказать последнее «Прости»,
Чтобы никогда не возвращаться
К ним с войной на жизненном пути!
Но одна малышка вдруг взглянула
На меня с такою добротой
И свою мне куклу протянула —
Оберег теперь мой, дар святой!
Никому нельзя к ней прикасаться,
Кроме рук девчушки и моих!
Мне до смерти с нею не расстаться,
Этот дар не знает рук чужих
Это память о сиротке-дочке,
Что в российской родилась глуши,
Не от девочки он, а от ангелочка,
В ней частичка русской есть души!»
Замолчал старик, а под рубашкой
Я заметил куклу-оберег,
Что подарена сироткой-пташкой
И считал святыней человек!
Курт сказал, что никому на свете
Никогда народ не победить
И страну, где есть такие дети,
Что так могут верить и любить.
Что на свете нет души красивей
И бескрайней, как её поля,
Что планеты честь, душа – Россия!
Ей за жизнь обязана Земля!!!
Через час я с дедом распрощался
(Дома ждали ужин и семья)
И домой счастливый возвращался
И гордился тем, что русский я!!!

Ирина Шевчук

На берегу Японского моря

Лето в тот год выдалось необычайно жаркое, сухое, но ветреное, что совсем нехарактерно для прибрежных районов Приморья, омываемых холодными водами Японского моря. Более привычными для местных жителей были прохладные июнь и июль, окутанные зябкими утренними туманами морские берега, прибрежные скалы и гладь устья впадающей в море реки. Такие летние туманные рассветы преобладали в здешних краях вплоть до августа, который потом щедро баловал жарким полуденным солнцем, ярко-синим небом и тёмными душными ночами, разукрашенными фейерверками искрящихся звездопадов. И лишь лёгкий морской бриз, подгоняющий пенные барашки волн, шуршащих морской галькой и вылизывающих солёными языками песчаные бухточки, приносил живительную прохладу и свежесть.

Небольшое село, раскинувшееся в уютной долине реки примерно в километре от морского побережья, между склонами Сихотэ-Алинских хребтов, словно вымерло от палящей полуденной жары. Стадо грязных совхозных коровёнок паслось на пойменном лугу, но их мирную трапезу изрядно омрачали неистовые кровососы – оводы и слепни. Обезумевшие от укусов животные не знали куда деваться: били себя по бокам хвостами, непрерывно трясли головами и вздрагивали телами. Некоторые бурёнки почти по брюхо залезли в болотистую жижу на берегу реки, ещё не полностью высохшую после недавних затяжных дождей. Другие ближе к полудню сбились стайкой в тени молодого березняка, но и там не находили спасения. И лишь старый скотник Захарыч, с раннего утра опохмелившийся самогоном, беззаботно и мирно дрых в тени берёзовой рощицы. Исходящее от него амбре не оставляло ненасытным жужжащим насекомым никакого желания присесть на его похрапывающую тушку и испытать хмельной кровушки. Его престарелая лошадь лениво щипала тёплую, почти варёную на солнце траву, громко фыркала и трясла пегой гривой, отпугивая слепней. Когда раскалённое солнце перевалило за полуденный зенит, Захарыч вдруг вышел из нирваны. Линялая сатиновая рубаша, пошитая когда-то его рукастой старухой, прилипла к худосочному телу, пот ручьями струился по небритой, измятой временем и регулярными возлияниями физиономии, старая, потёртая кепка с изогнутым козырьком валялась тут же, в полёгшей от зноя траве. В штанах, не понять от чего, было мокро... Присев и тряхнув седой кудлатой башкой, Захарыч смачно сплюнул, потом хрипло прокашлялся и, окончательно придя в себя, начал осматриваться по сторонам. Недалеко от него в тени берёз паслась его старая кляча, а вот коров нигде не было видно.

– Наверное, в распадок подались, там прохладнее и ветерок свежее, – подумал горе-пастух и шаткой походкой пошёл к своей коняге.

Подойдя к кобыле, накинул уздечку, подвёл её к пеньку и, матюкаясь, с трудом забрался на раскалённую зноем лошадиную спину. Седло Захарыч не любил с детства и предпочитал всю жизнь ездить на лошадях с одной уздечкой. Когда его пытали любопытные односельчане: «А почему? Ведь в седле удобнее!», не заморачиваясь на объяснения, отвечал: «А потому! Зато заднице теплее, даже зимой!»

Направив кобылу в сторону березняка, начал осматривать распадок. Но коровёнок, которых в стаде насчитывалось больше пятидесяти голов, нигде не было. Проехав ещё немного вверх по ключу, стекающему в реку, он понял, что стадо двинулось через сопку к морскому побережью. Маршрут этот был привычным, известным и бурёнкам, и пастуху, ведь чем ближе к морскому побережью, тем прохладнее, и жужжащие насекомые меньше одолевают. Вялой поступью двинулась по проторенной широкой тропе лошадь, шумно втягивая ноздрями раскалённый зноем и пьянящий томным разнотравьем воздух. Дед в полудрёме покачивался на её широкой спине. Фляга с самогоном, прикреплённая к поясному ремню его штанов, была пуста. В голове гудело... То ли от кружащих вокруг насекомых, то ли от напавшего вдруг дикого желания глотнуть грамм двести живительной влаги. Нет, вода его не интересует! Вот она –

журчит по каменистым перекатам в ручье – пей не хочу! Ему бы бабкиного первача для восстановления сил и водного баланса!

Старуха его регулярно гнала самогон на продажу. Дверь в их избе была открыта для местных выпивох круглосуточно. Да и его, старого беса, бабка не обижала, ведь он ей по хозяйству единственный помощник. Да и добытчик тоже. То рыбки наудит когда-нибудь, пока коровки пасутся, а он при памяти да не с бодуна. То мяска с фермы кусок-другой припрёт, а то и комбикорм припрячет – в хозяйстве всё сгодится. Дома ведь тоже пара коровёнок водится! Дети давно разлетелись из гнезда, вырвались из захолустной глубинки ближе к благам цивилизации, там и осели. Ни дочь, ни сын сто лет глаз не казали в родную деревню. Внуки уже повзрослели, и только изредка черкнут престарелым родителям письмецо или открыточку на праздник. Правда, несколько раз дочь на телефонные переговоры их со старухой вызывала. Сживали они в местном почтовом отделении как-то с бабушкой почти два часа, но связь с далёким сибирским городом так и не наладилась. Ушли горемычные домой, и хлюпала потом его Семёновна ночью тихо в подушку, утирая горючие слёзы. Вот так и коротали старость вдвоём, не теряя всё же надежды повидать внучат...

И так вдруг грустные мысли захлестнули и без того мутную голову Захарыча, что сушняк и депрессняк его просто в тряску вогнали. Лёгкий ветерок со стороны моря, которое Захарыч с малства как назвал Японческим, так и величал всю жизнь, подсушил рубаху и седые космы. Только зад седока и спина кобылы под ним пребывали в тёплой испарине. Зашевелившиеся в голове грустные думки и воспоминания окончательно утвердили пастуха в понимании того, что душа просит успокоительного! А до села отсюда пока ещё рукой подать, недалече уехал. Солнце на небе – высоко. До заката – далеко.

– Сейчас пулей домой, флагу самогоном наполню и к морю, за бурёнками. К вечеру назад пригону, всё как положено – не впервой поди!

Резко дёрнув за поводья еле плетущуюся кобылу, дед развернул её в обратную сторону и, прищипорив босыми пятками её впалые бока, лёгкой трусцой направился в сторону села. Кляча Люська, словно ей тоже нужна была пайка допинга, которая ждёт в родном стойле, шла небывало резво. Вот и окраина села. Первые две избы по дороге – его куркулястых соседей жильё. Один экспедитором в сельпо работает, местную торговлю из райцентра товаром снабжает. Знатный прохиндей! Всегда при деньгах и дефиците! Он Захарычу – не товарищ! Его самогонном-первачом не удивишь, они с его бабой, Тамаркой мордастой, даже коньячком иногда балуются. Хозяйство держат – не чета их с бабушкой коровёнкам! Там и пара хряков на откорм, и свиноматка на приплод, и две коровы да тёлочка-молодуха, а уж кур и гусей – не перечсть. Второй сосед без особого хозяйского подворья живёт, им этой «скотячей вони», как они изъясняются, и от соседских сараев хватает. Они – интеллигенция местная! Дом добротный, из бруса сложен. Окна, наличники, заборчик в палисаднике – всё цветастой красочкой крашено, везде лютики-цветочки растут – тут не до свиней и гусей. А работает сосед Иван Ляксеевич (так дед его величает) завгаром. Начальником местного гаража, значит. Весь сельский транспорт в его ведении. Жинка же его, Марья Петровна, детским садом заведует. Чтобы дитяtko в местные ясли пристроить, к ней на поклон с пустыми руками народ не суётся. Детей нынче в совхозе наплодилось, а мест в яслях – кот наплакал. Вот вам и коррупция! Ублажить Марью надо, уважить, чтобы очередь чадушку малому хоть чуток продвинуть. Захарыч, конечно, этих дел не свидетель, как говорится, свечку не держал, кто кому, что и сколько... Но народ говаривал, а народ на пустом месте брехать не будет. Значит, почва под этими сплетнями какая-никакая имеется. Словом, усадьба второго соседа ещё больше контрастирует с их обветшалой избёнкой.

Вот она, родимая! Слегка покосившийся, некогда крепкий бревенчатый сруб с обветшалой завалинкой, три глазницы окон, по одному на каждую сторону света, кроме севера. С севера вход в избу, крыльцо, чуланчик и скрипучая, с давно несмазанными петлями дверь с массивной деревянной ручкой. Внутри хоромы Захарыча выглядели примерно так же, как

и снаружи. Всё жилище состояло из двух комнат: кухня с большой кирпичной печью, в дальнем углу которой символической ширмочкой с тряпичной шторкой была отгорожена потайная кладовушка Семёновны. У окна, украшенного ситцевыми занавесочками, стоял кухонный, он же обеденный стол с двумя распашными дверками и выдвижными ящичками. Несколько раз за время своего существования стол менял окрас: был он и зелёным, и синим, а в последний раз, уже после выхода на пенсию, решила Семёновна освежить его фасад белой эмалевой краской, о чём сотню раз потом пожалела. Белые дверки и ручки ящичков, где хранились ложки-вилки, чумазные руки супруга в скором времени превратили в грязно-чёрные, а потом и вовсе белая краска стёрлась, явив миру разноцветную палитру прежних художеств хозяйки. В углу на стене был прибит вместительный алюминиевый рукомойник, под которым на деревянном табурете стоял большой алюминиевый же таз – вот и все удобства. Остальной помыв тел осуществлялся раз в неделю в малогабаритной, с низким потолком, деревянным полком для тазиков, веников и бака с водой, а также печкой-буржуйкой бревенчатой баньке. Ещё в кухне тарахтел в углу старый холодильник «Саратов», стояли несколько табуреток и лавка, на которой располагались два ведра с крышками для питьевой воды. Ну а в потайном «кабинете» Семёновны, за ширмочкой, хранились бесценный кормилец и поилец – самогонный аппарат и регулярно пополняемый запас поллитровок, наполненных экологически чистым продуктом с высоким градусом алкогольного дурмана.

Другая комната с двумя небольшими распашными окнами была и спальней, и гостиной одновременно. Там сживали во времена бурной молодости весёлыми компаниями да с обильными застольями, с кумовьями да сотоварищами по рыбачьим забавам. Круглый стол посреди залы, накрытый вылинявшей с годами оранжевой бархатной скатертью, давно не раздвигался за ненадобностью, но был неизменным главным атрибутом скромного жилища. У стены, которая обогревалась кухонной печью, стояла массивная кровать с коваными металлическими спинками, украшенными поверху гнутыми вензелями и давно прогнувшейся под тяжестью лет и весом возлежащих на ней тушек, особенно пухлой Семёновны, панцирной сеткой. Но этот ощутимый ночами недостаток днём был замаскирован ещё не утратившей с годами объём периной из гусиного и куриного пуха. В противоположном углу комнаты, в простенке между двух окон, подоконники которых украшали горшочки с геранью и алоэ, стояла выдавшая виды любимая тахта Захарыча. Если кровать когда-то и ощущала его присутствие в объятиях своих пуховых подушек и перин, то на тахте кроме хозяина никто никогда не спал. Это лежбище с прогнувшимися пружинами, как глиняный слепок с натуры, повторяло все изгибы его сухопарого тела. Гобеленовая обивка тахты бережно хранила в себе все его хмельные ароматы, смешанные с запахом пота хозяина и его престарелой кобылы Люси. На полу перед тахтой и кроватью лежали самотканые цветастые коврики. Ещё из мебели имелись: платяной шкаф работы местного столяра, тумбочка-этажерка, на которой стояли какие-то безделушки и шкатулочки, зеркало на стене и старое портретное семейное фото в синей деревянной рамочке под стеклом, где, как два голубка, головка к головке запечатлены ещё кудрявый Захарыч в застёгнутой наглухо белой рубахе и пышногрудая глазастая молодуха с толстой косой, обвитой вокруг головы, – его жена в полном расцвете молодых лет. Его ненаглядная Верочка!.. Это потом, спустя годы, имя её ушло незаметно как-то в архив и редко произносилось вслух. Стала она для всех на селе просто Семёновна.

Так вот туда-то, в потайной «кабинет» Семёновны, в этот оазис живительной влаги и источник лирического вдохновения, вечно тянуло Захарыча его крепко подсаженное на алкоголь бременное тело!

Причалив на Люськином потном крупе к родному крыльцу, старик лихо спрыгнул со спины кобылы, привычным жестом накинул поводья на деревянный штакетник забора, зачерпнул из колодца ведро холодной водицы и, плеснув его в корыто для водопоя домаш-

ней животины, рванул в избу. Лошадь, освободясь от седока, тряхнув гривой, жадно припала к воде, медленно втягивая влагу оттопыренными губами.

К великому счастью Захарыча, бабки не было дома. Видимо, в селпо подалась. А может, сидит и чай гоняет у своей подруги закадычной Трандычихи Ивановны. Её реально иначе как Трандычиха в совхозе и не зовут. Справочная служба местного разлива! Источник всех слухов и сплетен! Ну и пусть чешут языками. Чем ещё в такое пекло заняться? Главное, что ему никто мозг выносить и лекции читать не будет. Шустро фляжечку заправил и бежать! Да попутно дёрнул старый обормот дверку холодильника и прихватил с собой кусок купленной накануне для окрошки варёной колбасы. Ничего! Без окрошки обойдётся его жена – любительница летнего холодного крошева, которое готовила Семёновна на хлебном квасе и домашней жирненькой сметане.

Прикрепив наполненную самогоном флягу к поясному ремню, дед-диверсант решил побыстрее склеить ноги, чтобы его, не дай Бог, не застукала бабка на месте преступления. Кобыла Люська очумело уставилась на Захарыча большими грустными глазами, когда тот, не дав ей даже прилечь в тени под крышей летнего сеновала, снова взялся за поводья. Он повелительно дёрнул лошадь, чтобы та подвинулась ближе к крыльцу, подсобив тем самым престарелому ездоку взобраться ей на спину. Люська, покорное транспортное средство, всегда безропотно подчинялась командам своего хозяина. За долгие годы своей лошадиной жизни свыклась с его не всегда адекватным поведением, особенно в состоянии подпития. А связывали их со скотником Захарычем уже двадцать пять лет и службы, и дружбы. Когда-то, много лет назад, был Иван Захарыч ещё о-го-го мужик и один из лучших животноводов в совхозе. Местная ферма всегда специализировалась на разведении коров. Совхозное стадо поило молоком, кормило творогом и сметаной не только жителей села, но и райцентра. Безграничная любовь к животным, всякое отсутствие брезгливости, трудолюбие и покладистый нрав привели когда-то молодого Ивана в эту отнюдь не лёгкую профессию, да так и прирос он душой к животине на всю оставшуюся жизнь. А уход за поголовьем совхозного стада – работа каторжная: и подъём чуть забрезжит рассвет, и почистить навозные залежи, и корм свежий задать, и бока коровьи отмыть, и выпас, и выбраковка, и отёлы, и внимательное наблюдение за здоровьем рогатых – всё в его обязанности входило. Любил Иван коровёнок, а они его! Как родного чуяли! Мычали радостно, хлопали пушистыми ресницами, мотали хвостами-хлыстами, как только их кормилец и поилец на горизонте появлялся. За первый же год работы Ивана Захарыча на ферме падеж скота сократился, надои повысились, чище и спокойнее в коровнике стало. Доярки это тоже единогласно подметили и глазки молодому работающему мужику строить начали. Там, на коровьей ферме, он и встретил судьбу свою – Веруньку, молодую доярочку. Шуры-муры у них долго не затянулись, не до того было. Чуток пошмулькались вечерами в березняке у реки да пару раз на танцульки в местный клуб сходили. Там под залиvistую гармонь баяниста и по совместительству руководителя местного самодеятельного духового оркестра по прозвищу Капельдудкин Иван такие вензеля ногами выделявал перед толпой зевак, что Верка поняла: «Долго выпендриваться не резон – уведут! Надо брать, пока тёпленький!»

Вот так их семейная жизнь и началась. Навсегда запала в память Захарыча та звёздная, тёплая июльская ночь на источающем дурманящий аромат и щекочащем все части тела свеженьком сеновале... Вот и зажили они с Веруней вдвоём, так сказать, новой ячейкой социалистического общества. Работа роднила: оба на одной ферме, и зима, и лето, запах навоза, молока, дойки, выпасы, отёлы. А потом и Верка сообщила, что у них прибавление ожидается... Словом, жили-не тужили. Лучшей жизни не ведали, а той, что была, не кляли, не ныли. Так в трудах, семейных заботах, серых сельских буднях жизнь и протекала.

Однажды, лет так тридцать тому назад, кому-то в голову взбрело помимо коровёнок завести в совхозе стадо лошадей. Доставили откуда-то несколько особей и Ивану, как передовику на животноводческом фронте и опытному, заботливому хозяйственнику, поручили шеф-

ство над лошадаками взять. Отказать Иван не смог. Уж больно глянулись ему статные кобылки с умными глазами и богатыми шелковистыми гривами. Начал он постигать азы коневодства. Даже пару раз для обмена опытом командировало его руководство в соседний район, где была конеферма. Иван Захарыч быстро все нюансы и тонкости уловил и нашёл подход к строптивой скотинке. Тут нрав и характер совсем другой! Это тебе не Бурёнка какая-то стельная, о которых с юмором говаривали языкатые доярки: «Да им что? Их дело телячье – обгадилась и стой! Жди, когда Ванька придёт и котяхи уберёт!» И стоит она себе тихо-мирно, сено губами слюнявыми перебирает да взирает отрешённо на окружающий мир туманным взглядом из-под густых ресниц. Лошадь – аристократка в сравнении с коровой! И умом, и статью, и красотой покорили Ивана новые подопечные. Вскоре первые жеребята на свет появились. И радовался как родному новорожденному ребёнку каждому лошадиному детёнышу ставший важным и уважаемым коневодом Иван Захарыч. Несколько лет жизни положил на то, чтобы прижились лошадаки на селе, и росло их поголовье. Но жизнь свои кренделя преподносит, и оказалось, что разведение лошадов для совхозного хозяйства – нерентабельно и бесперспективно. Посчитали умные головы, покумекали и решили: часть поголовья на мясопереработку сдали, часть обменяли на племенных бурёнок, а оставшийся молодняк на продажу местному населению предложили. Захарычу же, учитывая его особые заслуги в труде и ничем невосполнимый моральный ущерб, совхозное руководство подарило длинноногого нескладного жеребёнка женского пола, к которому Иван питал особенно трепетные чувства.

Молодая кобылка Люська только благодаря его заботе и упрямству на свет появилась. С трудом и осложнениями ожеребилась малышкой её мать – красавица лошадака, которую на последнем сроке вынашивания детёныша сбил на мотоцикле с коляской вдребезги пьяный местный дебошир и тунеядец Васька Петухов. Ему, как ни странно, улетевшему в кювет вместе со своим железным конём, хоть бы хны. Морду только о торчащий в овраге берёзовый корч размазал, да оставшиеся зубы повывлетали. Мотоцикл мужики в село отбуксировали, но ремонтом его так алкаш и не занялся, бросил за забором как кусок металлолома, а потом, спустя годы, пропил за пол-литра рукастому умельцу из соседнего села.

Так вот, а кобылку стельную долго лечили, переднюю перебитую ногу спасти пытались. Уколы ветеринар всё какие-то шпыняла, гипсовала, а потом решили забить, чтоб не мучилась животина. Но Захарыч упросил до следующего утра хотя бы её в покое оставить. И сидел, как нянька, всю ночь рядом с тяжело дышащей кобылой в отдельном стойле, подносил к раздувающимся ноздрям и сухим губам мокрую тряпку. А ближе к утру в тяжёлых схватках и болях разрешилась горемычная кобылица. Так и появилась в жизни Захарыча его Люська. Ожеребившуюся кобылицу спасти не удалось, ветврач принял решение, которое уже никто оспаривать не стал. Сколько можно мучиться бедной лошадаке?..

С окончанием коневодческой деятельности в совхозе Ивана Захарыча вновь перекинули на коровью ферму, слегка повысив в должности и окладе. Практически всё свободное от работы время он, невзирая на вечные упрёки и жужжание жены, посвящал своей маленькой, неуверенно стоящей на подгибающихся слабеньких ножульках кобылке. Кормить Люську пришлось из бутылочки с соской. Вскоре лошадака окрепла, стала резвой и прожорливой.

Как стремительно пролетели годы... Иногда, длинными зимними вечерами, приняв на грудь граммов двести «благородного зелья» Семёновны, Захарыч впадал в томную полудрёму – ностальгию. Сначала долго сидел на маленькой табуреточке у раскалённой от горящих трескучим пламенем дубовых поленьев печи, курил, пуская клубы дыма в приоткрытую закопчённую дверцу свой любимый «Беломор». Жаром от огня и выпитого самогона докрасна разогретая физиономия неподвижно сидящего, как застывшая мумия, Захарыча иногда не на шутку пугала его старуху. Семёновна, поддав деду лёгкий подзатыльник, читала одну и ту же, за годы набившую оскомину лекцию о вреде постоянной пьянки и курева для здоровья, пугала кондрашкой, которая ткнула однажды прямо в парилке собственной бани подвыпив-

шего накануне помывки их кума Василия. Затем, подняв деда за шиворот рубахи, отправляла дальше «загорать» на его любимую тахту. И вот уже в этом своём лежбище, приняв позу скрюченного эмбриона, Захарыч впадал в нирвану, улета на волнах воспоминаний далеко назад – в годы молодые, задорные, счастливые...

Присутствовало в его жизни, кроме любимицы Люськи, ещё одно живое существо, реально согревающее и душу, и бренное тело. Когда Захарыч нырял в объятия своей горбатой, потёртой тахты, к нему под бочок уже много лет подряд пристраивался и включал свой таракс-тящий «трансформатор нежности» его преданный дружок – серый лохматый кот по кличке Драник. Драником он стал с лёгкой руки и ехидного языка Веры Семёновны, когда впервые явился домой после недельного кошачьего блуда по весне с драным ухом и клоками вырванной шерсти по бокам. А до тех пор жил в семье с самого младенческого возраста безымянным кошариком, которого просто звали «кис-кис». Так вот, этот самый Драник был для деда и прибором физиолечения, и домашней грелкой, и психотерапевтом, которому мог старый подвыпивший хозяин подолгу изливать душу, не гнушаясь никакими, даже самыми пикантными подробностями.

Взгромоздившись на горячую спину послушной кобылицы, Захарыч лихо пришпорил голыми пятками её бока и, потянув поводья, указал направление движения прочь от родной избы, в сторону манящего живительной прохладой Японского моря. Люська, на ходу дожёвывая пучок свежего сена, грустно поплелась по заданному хозяином маршруту. Едва отъехав на окраину села, Захарыч, оглянувшись на всякий случай по сторонам, отстегнул дрожащей рукой заветную флягу и жадно отхлебнул глоток обжигающего горло самогона.

– Эх, хорошо пошла! Живём, Люська!

Люська, словно поняв то, что ей поведал повеселевший ездок, фыркнула ноздрями и тряхнула гривой. Тем временем Захарыч, ещё несколько раз приложившись к горлышку фляжки, зажевал отпитое куском уворованной из холодильника колбасы. Его грешную душу грело не только бабкино зелье, но и тот факт, что не попала в этот его самовольный забег в село ни одна живая душа навстречу. Словно вымерло всё вокруг, попрятавшись от палящего солнца, лишь протарахтел вдалеке по просёлочной дороге в сторону коровника гружённый копной свежего сена совхозный ЗИЛ. Ведь если бы, не дай Бог, застучал кто-то в разгар дня в деревне пастуха без стада, деду бы явно не поздоровилось! А учитывая то, что уже два китайских предупреждения за оставление животного без надзора у Захарыча имелись, полетел бы он с работы – к бабке не ходи... Ну а то, что с ним после этого Семёновна бы сотворила, даже подумать страшно! Нрав у бабки с годами да рядом с таким обормотом, в какого превратился подсевший на выпивку Иван Захарыч, стал жёсткий и непоколебимый. Под горячую руку повернись – могла и огреть чем ни попадя! А уж на язык остра, так припечатает, что неделю потом обтекать будешь от её словесного поноса – не отмоешься!

– Вот так, значит... Повезло нам, Люська! – размышлял вслух живо окосевший пастух.

День катился к закату, когда Захарыч прибыл по раскалённой от жары пыльной тропе к пологому плато, на котором обычно паслись коровёнки. Здесь, на продуваемом морскими ветрами взгорке, растительность скудновата, не то что в долине, на пойменных лугах, где сочный травостой – настоящий гастрономический рай для бурёнок.

А вот оно и море... Синее, холодное, манящее... Белые барашки пенных волн катятся к берегу, шурша мелкими, отшлифованными до кругляшей камешками. А берега вокруг скалистые, крутыми отвесами обрывающиеся прямо у кромки воды. В ветреную погоду штормящее море с шумом и грохотом бьётся об эти неприступные скалы, облизывает их солёными языками, вымывая причудливые гроты и пещеры, создавая неповторимые каменные скульптурные шедевры. Сколько таких природных монументов разбросано вдоль побережья Японского моря – не сосчитать! Нерукотворная завораживающая красота! Из-за обрывистых берегов не везде можно спуститься к морю. Крутизна и высота пугают, отталкивают. Но человек

и дикие звери находят тропки, вымытые дождями овраги и умудряются, не ища обходных путей, порой рискуя жизнью, цепляясь за каменистые выступы и колючие кусты шиповника, спускаться вниз. Одних манит богатая на уловы рыбалка, других щедрые морские дары, лёгкое пропитание, которое выбрасывают волны на прибрежные отмели. Напитанный солёной влагой морской бриз приятной прохладой обдавал лицо. Кобыла Люська даже прибавила шаг навстречу потокам живой свежести. Пьяненький Захарыч, мурлыча себе под нос какую-то незамысловатую мелодию, окинул открывшийся взору простор побережья, пытаясь увидеть стадо. Слева от тропы, выходящей на высокий берег, метрах в двухстах от него, почти на самом краю крутого обрыва, тесно сбившись в кучку, стояло десятка два его бурёнок. Остальных коров нигде не видать... Захарыч двинулся в их сторону. В недоумении крутил башкой по сторонам старый обормот, стараясь понять, куда же подевались все остальные его парнокопытные подопечные. Укрыться здесь негде, уйти далеко так, чтобы не оставаться в поле зрения, просто невозможно. Вернуться домой они тоже не могли – тропа, ведущая назад, одна, никого на ней Захарыч по пути не встретил. Приблизившись к животине, старик пересчитал их – шестнадцать штук. Всего шестнадцать! Где остальные? Коровы, тесно прижавшись друг к другу, вздрагивали телами, ноздри их, тревожно раздуваясь, шумно втягивали прохладный воздух, глаза выдавали дикий испуг. Что произошло? Куда пропала большая половина стада? Люська тоже вся напряглась и как-то нервно начала крутить головой по сторонам. Спрыгнув с лошади, Захарыч пошёл прямо к отвесно обрывающемуся в морскую бездну краю плато. Внизу монотонно шумело бьющееся о скалы море.

Картина, которая предстала перед вмиг протрезвевшим пастухом, была чудовищной, трагичной, необъяснимой в своей жестокой правде. Внизу, под крутым обрывом, в воде и на каменистом берегу валялись коровьи туши... Море телепало несколько мёртвых тел, то подхватывая их бурной волной и утаскивая в воду, то снова швыряя на прибрежные камни. Охваченный диким ужасом Захарыч в панике кинулся к ближайшему скалистому крутому оврагу, ведущему вниз к воде. Спотыкаясь, падая, обдирая босые ноги об острые камни, цепляясь за расщелины и корни деревьев, он чуть ли не кубарем скатился вниз. Разодрал бок своей линялой рубахи, сильно ударившись рёбрами о торчащий из земли корч. В кровь разбил нос, расцарапал руки и ноги, но, не чувствуя боли, оказавшись на берегу, побежал к месту трагедии.

Первые несколько мёртвых коровьих туш с переломанными ногами и свёрнутыми шеями лежали кучно, почти одна на другой. Дальше, на волнах прибоя и на острых каменистых уступах, были разбросаны в хаотичном беспорядке мёртвые, а кое-где ещё живые, почти беззвучно пытающиеся мычать, покалеченные при падении животные. Захарыч увидел знакомые, наполненные слезами, обезумевшие от боли огромные глаза с бахромой пушистых длинных ресниц стельной коровы Марты – его любимицы в стаде. Что? Что произошло за время его пьяной самоволки? Что или кто так напугал бедных животных, что они бросились вниз с обрыва? Метался по берегу ошалевший от навалившейся на него беды старик в окровавленной рваной рубахе, мокрый, взлохмаченный, не понимающий, что со всем этим теперь делать...

И лишь море – холодное, трезвящее, разъедающее солёной водой раны на теле, в безучастном равнодушии и вечном движении гнало к берегу бесконечную вереницу пенных волн. Шум прибоя и крики слетающих откуда-то чаек заглушали и стоны умирающих коров, и безумные вопли старика. Незаметно, но стремительно наступала темнота. Ночь, крадучись, кидала на чернеющий небосвод жменьки звёзд. Захарыч, окончательно сломленный трагедией, обессиливший, мокрый, весь перемазанный и своей, и коровьей кровью, рухнул, как подкошенный, на берегу рядом с телом всё ещё живой Марты. От коровы шло спасительное тепло, и старик, прижавшись к умирающему животному, пытался согреться, чтобы унять сумасшедшую дрожь в теле и стук зубов. Вскоре стресс, усталость и оставшийся в крови алкоголь сыграли свою роль – Захарыч заснул, уткнувшись в большое тёплое пузо беременной коровы.

Сколько времени он провёл так, провалившись в беспмятство, трудно сказать, но его дремоту прервал безумный кровавый пир, разыгравшийся на берегу, буквально в нескольких метрах от него. Яркая луна на небе чётко высветила два тигриных силуэта, с диким рыком рвущих на куски коровью тушу. Захарыч перестал дышать от страха. Вот она – смерть! В десятке шагов от него! Дикая, безумная, неуправляемая сила хищного зверя! Вот кто напугал коров, вот от кого они метнулись в бездну навстречу гибели. Вот откуда на берегу он видел коровьи кишки и растерзанную тушу. Видимо, насытившись вдоволь в светлое время, тигры вернулись к трапезе ночью. Фыркание, чавканье, рычание полосатых убийц снова вогнали Захарыча в дрожь. Зубы реально выбивали чечётку, сердце бешено стучало где-то в ушах, руки и ноги онемели и совсем не подчинялись ему. Но диким тварям не до тощего, костлявого старика, когда вокруг было столько говяжьей свежины...

Спасение пришло с утренней зарёй, разбудившей чаек, ворон и встревоженных людей. С рассветом на поиски не вернувшегося на ночь в село со стадом Захарыча снарядили пять человек, из которых двое были вооружены охотничьими ружьями. Практически непуганые таёжные обитатели в те годы частенько заходили на территорию села, могли бесцеремонно пугануть коров на пастбище среди бела дня. Дикие кабаны наведывались в особенно снежные и голодные зимы прямо на территорию фермы, чтобы подхарчиться сеном.

Когда первые солнечные лучи робкой рябью пробежали по штилевой глади затихшего к утру моря, на высоком скалистом берегу появились люди. В предрассветной лёгкой туманной дымке видно было, как мечутся по высокому скалистому берегу их тёмные силуэты. Кто-то громко начал звать пропавшего неведомо куда Ивана Захарыча. Когда один из пришедших подошёл к самому краю обрыва и взглянул вниз, то его истошный вопль услышал даже лежавший в полубоморочном состоянии с онемевшими руками и ногами разыскиваемый потеряшка. Захарыч попытался крикнуть в ответ, но ни его тело, ни голос не подчинялись ему. Что-то сипло прошипев, старик от отчаяния и страха заплакал, как ребёнок. Осознание произошедшего накануне липким холодом сковало и душу, и тело. Остывшее и околевшее бездыханное тело коровы Марты перекрывало его собою. Как подать сигнал, что он здесь, что он жив? Слёзы, боль, отчаяние, страх – всё смешалось в голове. Люди наверху, оценив масштаб произошедшей трагедии, в лёгкой панике и шоке от увиденного думали, что делать дальше. Оперативно приняли решение, что один из них должен срочно вернуться в село, чтобы вызвать к месту массовой гибели совхозного скота представителей власти, милиции, пригнать грузовик, чтобы вытащить из воды и захоронить мёртвые туши коров. Остальные гуськом осторожно начали спускаться вниз к воде по той же расщелине между скал, по которой вечером кубарем катился к своим несчастным коровёнкам скотник Захарыч.

Холодные клочья белого тумана поползли по воде, поднимаясь лёгкими облачками вверх, вдоль отвесных прибрежных скал. Этот утренний туман не давал возможности разглядеть всех погибших животных сразу. Люди шли от туши к туше, вздыхали, матерились, ещё не понимая толком, что произошло со стадом, и куда пропал пастух. Захарыча увидели не сразу из-за крупного тела мёртвой Марты. Один из пришедших на поиски, Степан Ткачёв, совхозный тракторист, обойдя пузатую корову со стороны воды, наткнулся на неподвижно лежащего скрюченного Захарыча, из широко открытых глаз которого по грязным щекам ручьями стекали слёзы. Степка радостно закричал, подзывая остальных:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.